

sausende bei Beiden, bei Allen, die Donnermärsche, das viereckige der gewerblichen Musikform, die in der Form prästabilierten, fertig keimenden Themen, die Rhetorik, der leere Schwulst der gehetzten, gejagten oder ruhig „willenskräftig“ abgetrommelten Rhythmen, die Hälfte der Musik, des Musikgeschaffenen — das ist so lächerlich leicht und nichtig, so wenig abweichend von dem Mechanismus einfacher Tonleiterübungen, — ein Musiker von Beruf müßte all diese lauten Sprünge täglich improvisatorisch hervorbringen und vergessen . . .

Эти же мысли Пастернак выразил бы по-русски несомненно иначе. И в переводе так и не удалось уйти от тяжеловесного онемеченного Пастернака.

Нам слышатся уже возмущенные возгласы читателей: «Не узнаем Пастернака!». Что же делать? Просим только не забывать, что Пастернак писал по-немецки, а наш перевод, к сожалению, все же остается лишь переводом.

P. P.

Перевод с немецкого: Renate Schweitzer „Freundschaft mit Boris Pasternak“. Verlag Kurt Desch. Wien—München—Basel. 1963.

Подпольный литературный журнал
московской и ленинградской молодежи

СИНТАКСИС

№ 1-3

Москва — Ленинград

1959 - 1960 гг.

Синтаксис № 1

(москвичи)

Выпущен в декабре 1959 г. Тираж около 300 экз.

Александр Аронов* *
*

Я б не взял тебя, конечно,
В тот запутавшийся век,
Где гуляет этот снежный,
Этот нежный человек.

Постоит, на горку выйдет,
Распугнет орлиц-дурех,
И когда никто не видит,
Постоит на четырех.

В это время, в это время,
Камни по небу скользят.
Им на землю падать вредно,
А не падать им —
нельзя.

Пустота рукою шарит
Сквозь магнитные поля.
По орбите мчится шарик
Под названием «Земля».

БАЛЛАДА О ТРАМВАЙНОЙ ЖИВОПИСИ

Трамвай бродил по городу,
тянул пути нарочно
замедленно и гордо,
чтобы приехать точно.

И кто-то, видно, стойкий,
стоял, стоял в углу,
рисую профиль тонкий
по тонкому стеклу.

(Не знаю, хороша ли
была она,
но люди

не дышали
у этого окна).

Непрочно все — до жалости:
стекло и снег,
скажите мне, пожалуйста,
что станет с ней?

Ценители найдутся ли
хранить ее черты?
Музеи,
репродукции,
альбомные листы?..

Спокойно-холодны глаза —
ну прямо гордость выставки!
И в них плывут,
плывут назад
подъезды,
окна,
вывески...

ВЕСЕЛАЯ ИСТОРИЯ

1. Живут это люди
Где-то на горе,
Будто на верблюде,
На самом горбе.

Небо седое
На плечах несут,
Даже коз не доят —
Так сосут.

Проживают люди
Жизнь до дна.
Парня не любит
Девка одна.

2. Теперь это приходит к ним
Дед-борода.
Мне, говорит, охота
Ставить города.

Вот здесь, говорит,
Где глетчер, —
Сто домов.

Двести пятьдесят крылечек,
Пятьсот дымов.

А тем-то что? Ладно.
Валяй, строй.
Самим, говорят, не сладко.
Первобытный строй.

Повесили фонарики,
Взяли топорик,
Заводы, фабрики,
Все такое.

Ресторан, пекарню,
Университет ...
А девка парню —
Нет и нет.

3. Ну, он хорошо.
А слезы-то льются.
В подпольщики пошел.
За революцию.

Каторга, ссылка.
Стал он арестант.
Темная посылка,
Бордовый бант.

Наконец, получше нам
Стало вчера.
Посылка получена,
В ней — ура!

И белые, и негры.
Свобода, душа!
... А она нет, говорит,
И ша.

4. Конечно, он нервный.
Рвет пальто.
— Товарищи! Наверно,
Чего-то не то.

У этой, говорит, Дашки
Изо всех девчат
Соски, как карандашики,
В материю торчат.

Тапок на бегу
Сденет, наденет,

И я, говорит, о деле
Думать не могу.

Мне теперь хоть с крыши,
А не только что ...
Ладно, говорят, слышали.
Надень пальто.

Ну, тут они предлагают ему браться
за дело, строить новую жизнь.

Начнем жить,
Дойдет и до тебя.
— Да у нее мужик
И трое ребят.

Брось ты, дура,
Кончай эту муть.
Там уж придумаем
Чего-нибудь.

Это, брат, будет
Не жизнь, а мед:
И девка полюбит,
И баба поймет.

5. Вот и все вам факты.
И весь сказ.
У них вот так-то.
А как у вас?

СТИХИ О СТРАНАХ

А, может, и будут, как это ни странно,
На свете такие различные страны:
Страна Скрипачей
и Страна Трепачей,
Страна Толстяков
и Страна Простаков,
Страна Влюбленных,
Страна Пожарников
и маленькая Республика Джазовых Ударников,
Страна Мудрецов
и Страна Дураков.
Прописка —
и ясно, кто ты таков.

— Читали или нет? Прочтите обязательно!
Газеты публикуют важное сообщение:
Страна Читателей и Страна Писателей
Порывают дипломатические отношения.

— Какое наслаждение! Спешим со всех концов!
Случилось наводнение
В Стране Пловцов!

— Сидят,
никак не достанут виз,
мучаются отчаянно
путешественники
из Страны Подлиз
В Государство Больших Начальников.

— Хэлло, вы не Пижон?
— Пижон.
— Мы земляки! Я поражен!
До свиданья, мама,
До свиданья, папа,
Я уезжаю

на Юго-Запад

В страну, отдаленней которой нет:
Красивых Девчонок Семнадцати Лет ...

САМАЯ ГОРЬКАЯ

Что же это ты, печальная,
Прижалася к стене?
Буквы-то на ней печатные,
А слова-то — не...

Приди ко мне берегом,
Растоптанным садом.
Встань ко мне передом,
А к другому — как?

Так уж это делается,
Нечему дивиться.
Красная девица —
Рыжая девица.

Владимир Бурич

ЗАПОВЕДИ ГОРОДА

Уходя, гашу свет.
 Перехожу улицу на перекрестках.
 Сначала смотрю налево. Дойдя до середины — направо.
 Берегусь автомобиля.
 Берегусь листопада.
 Не курю.
 Не сорю.
 Не хожу по газонам.
 Фрукты ем мытые, воду пью кипяченую.
 Пью шампанское и натуральные соки.
 После еды мою руки.
 Перед сном чищу зубы.
 Не читаю в темноте и лежа.
 Так дожил до двадцати шести лет.
 И что же?
 Хранить свои деньги в сберегательной кассе?

МОЕ СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Это все уже было —
 и ветер сырой,
 теребящий массивы трав,
 вечера над Каялой
 и над Сулой,
 крик телег
 и костры до утра.
 Это все уже было —
 и желтый закат,
 обязавший поля раскисать.
 Это все уже было ...
 но нет
 языка,
 чтоб об этом
 в стихах
 рассказать.
 В дебрях
 славянской
 вязи
 прочно
 глаза увязли,
 восьмисотлетнее
 горе
 ищет иных аллегорий.

Как белка
 мысль моя спешит,
 как стая птиц в полете,
 как волк в степи.
 И тянет
 ширь
 эпических
 полотен.
 Нет,
 не в историческом утиле,
 переполнившем музея зал,
 слезы,
 оброненные
 в Путивле,
 вы и сейчас
 туманите
 глаза.

КОРОВОЧКА

зубного
 порошка,
 ты удивительно чиста
 и целомудренна.
 Нет,
 не могу ...
 Где этот тюбик кончившейся пасты?

Я СМОТРЮ В ЭТОТ МИР ВНИМАТЕЛЬНО —

все с годами становится просто.
 Меньше
 женщин
 годится в матери.
 И все больше
 годится
 в сестры.

ТЫ ХОЧЕШЬ СЧАСТЬЯ БЫСТРОГО?

Ты в этом мире ничего не выстроил.
 Не выпек.
 И не выстрогал.
 Ты даже, может быть, кому-то в спину выстрелил..
 Врешь,
 не стрелял!
 Толкали.
 Выстоял.

Я люблю все естественное:
Хлеб из теста.
Дом из теса.

Я еще об асфальт не истерся.

Николай Глазков

ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ

Зимой я замерзаю от мороза,
А на сугробах не растут цветы.
Но я курю, и дым от папиросы,
По-моему, красивее, чем ты.

А если баба явится из дыма,
То мне такая баба не нужна.
Мне холодно, безумно и пустынно,
А ты ко мне дороги не нашла.

А я, хоть и непризнанный, но гений,
И осознал, что ты всего лишь миф.
Пусть мир не следствие каких-то ощущений,
Но ты лишь тень намерений моих.

Как реки начинаются с истока,
Вот так и ты должна моею стать:
Ты существуешь в мире лишь постольку,
Поскольку я хочу с тобою спать.

ПРИМИТИВ

Москва. Декабрь. Пятьдесят первый год.
Двадцатый, а не двадцать первый век.
Я друг своих удач и враг невзгод,
И очень примитивный человек.

А за окном обыкновенный снег.
Его бы мог сравнить я с серебром...
Зачем? Я примитивный человек,
Который платит за добро добром.

Мне счастье улыбалось иногда,
Однако редко: чаще не везло.
Но я не обижался на года,
А возлюбил поэта ремесло.

Но чтобы, как деревья и трава,
Стихи поэта были хороши,
Умело надо подбирать слова,
А не кичиться сложностью души.

Я, по примеру всех простых людей,
Предпочитаю счастье без борьбы.
Увижу реку — искупаюсь в ней,
Увижу лес — пойду искать грибы.

Представится мне случай — буду пьян,
А не представится — останусь трезв, —
И женщины находят тут изъян
И думают: а где здесь интерес?

Но ежели об интересе речь,
Я примитивность выявлю опять:
С хорошей бабой интересно лечь,
А не игру в любовь переживать!

Я к сложным отношениям не привык...
Одна особа, кончившая ВУЗ,
Сказала мне, что я простой мужик.
Да, это так, и этим я горжусь!

Мужик велик. Как богатырь былин,
Он идолиц поганых погромил,
И покори́л Сибирь, и взял Берлин,
И написал роман «Война и мир»!

Прекрасно отразить XX-ый век
Сумел в своих стихах поэт Глазков.
А что он сделал, сложный человек?
Бюро, бюро придумал пропусков!

*
*
*

В Москве, а не где-нибудь в Гонолулу,
И ночь, и тучи, и мрак.
В обычной комнате на полу
Спал сценарист Марк.

И снилось ему, будто все кино
Ставят его вещи...
А ветер дул и выл за окном
Заунывно-зловеще.

И стало как-то жутко вокруг
От воющего стонанья...
Внезапно, враз, неожиданно, вдруг
На Марка упала ставня!

Проснувшись, Марк закричал: Ой! Ой!
Во цвете лет погибаю! —
И начал ставню толкать ногой,
Капут наступил баю-баю!

Проснулись люди. Одежды надев,
Пускать стали дыма кольца.
А Марк бродил по квартире, как лев,
И долго не мог успокоиться.

НЕГОДЯЙ

Негодяй любит холод лютый,
Когда мерзнут хорошие люди:

Ну, а сам негодяй мерзнет тоже,
Не сильнее его собственной дрожи
Его радость при виде страданья
В данном случае замерзанья!

Если мы доберемся до' истин,
Негодяй, он всегда бескорыстен!

КОЛОКОЛА

Нам, по сравнению с современной новью,
Ужасным кажется средневековье.

Однако и в монастырях угрюмых
Колокола имели форму рюмок.

Они звенели так же как фужеры:
По будням редко, ну а в праздник часто.
Товарищи, скажите, неужели
Мы в наши дни откажемся от пьянства?

С. Кирсанову

Нехреновым
Новым
Словом
Кто прославил свет?
Кто на водах
И на сводах
Свой оставил след?
То Семен Кирсанов
Самых
Новых слов поэт,
Всех времен краса —
Кирса-
Нов
Замок взял побед.
Рае, а не Беатриче, не Лауре рад,
И не Данте, не Петрарка, а лауреат,
Рифмователь
И писатель,
Интересный всем —
Ен Исакович Кирсанов Сем.

Всеволод Некрасов

И Я ПРО КОСМИЧЕСКОЕ

Полечу или нет — не знаю —
До луны или до звезды.
Но луну я пробовал на язык
В сорок первом году в Казани.

Затемнение. Война.
Тем не менее — луна.
Белый
Свет,
Белый
Снег,
Белый
Хлеб, которого нет.
Никакого нет.

Я давным-давно вернулся в Москву:
Я почти каждый день обедаю.

А на вид луна была вкусная,
А на вкус луна была белая.

МИЛИЦИОНЕР

По-за домом продувал
Ветер дворики.
Перед домом тротуар —
Территория.

Кто с девушками, кто
С девицами.
Разве мало забот
У милиции?

Мало разве забот —
Народ как народ.
Кто глаза зальет —
Забыл, как зовут,
Забыл, где живет —
тут, не тут.

Да кто позовет,
Да кого найдут ...

А за год
Сколько через райотдел
Проходит происшествий?
Государственная тайна!

Триста семьдесят одно.

Народ как народ.
Кто тихий на вид.
Кто культурно пройдет,
А кто нахамит
И радуется ...
— Ты людей цеплять?
Погоди, сопляк...

Выходила сволота
Со двора за ворота,
Увидали старшину —
Поздоровались ...

Вот так и живут,
Которые в жиру,
Вот так и жуют,
А потом, потом
И наламывают дров...
А дом-то он дом,
Да за домом дворов —
Во двор, за забор
Не пойман — не вор
И весь разговор ...

А спросить — с кого?
(А бэсэмэ —
А что — бэсэмэ?
А бэсэмэ —
сама по себе...)

Узнай да сумеи
Поди докажи
Скорей да умней,
А кто за ножи —
Задержи, разоружи,
Не бей, не убей...
За семьсот рублей
Ходи не дрожи
И весь разговор.

Спать пора.
Задвигается запор,
Словно смазанный затвор
Т. Т.

Постовой простыл.
Территория пуста,
Проверяет все посты
Полуночная усталость
Самый старший лейтенант.

Час,
Два,
Скоро три часа.
Скоро будет смена.
— Выспимся

Два.
Три.
Скоро шесть.
Время самой тишины.
Это время происшествий.

ПЬЯНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Я в центре всего —
 Посредине улицы.
 И вокруг меня оно,
 Все
 Группируется.
 И, плюс ко всему,
 По вкусу моему
 Драпируется.

Тепло, хорошо,
 Главное — мягко ...
 Веселый снежок —
 Белая травка.
 Совсем я не пьян —
 Все понимаю:
 Седьмого ноября
 Первое мая.

А в Москве —
 Как во сне
 Москвы нет
 Зато есть снег

Кто такси берет
 Кто пешком побредет
 И никто не разберет
 Назад ли, вперед
 Сто, двести, триста лет...

То ли здесь просто лес.

По лесам, по полям, по Солянкам,
 Полянкам ни берега, ни брода

Есть дорога
 Только лыжным патрулям.

ИЛЛЮМИНАЦИЯ

Электричество горит
 И сейчас над тротуаром
 Электрический стоит
 Перегар

Передали по бригадам
 Чтоб ходили по дворам.

Муза Павлова

Мальчик девочку тянет в кусты.

Санитарки воруют из тумбочек сахар.
 Санитарки больным свою кровь отдают.
 Клоун молится на ночь, он смерти боится и верит в загробную жизнь.

До утра счетовод подвигает костяшки на счетах,
 все бледнее лицо его,
 и розы склероза все ярче.
 Капитаны, рыгая, снимают тельняшки
 и ложатся с усталыми сонными женами
 и целуют их долго
 накануне отплыть,
 а потом засыпают,
 а жены садятся,
 свесив голые ноги с постели,
 и накручивают волосы на бигуди.
 А учительница проверяет тетради.
 Ах, опять, у Петрова «вождь» без мягкого знака.
 Как ее огорчает этот Петров.
 А ведь мог бы учиться, мальчик очень способный.

Мальчик девочку тянет в кусты.

НА ВЕРНИСАЖЕ

Высокие гномы,
 широкие дамы,
 курия фимиамы,
 текут, как ручей:
 «Ах, это прекрасно,

почти как Пикассо.
Но эту вот руку
я б сделал длинней».

Широкие дамы,
высокие гномы —
ты слышишь,
ПРИЖАТЫЙ К СТЕНЕ ПРОМЕТЕЙ,
зажарили печень твою
уж давно бы,
как жарили предки
ученых свиней.

* * *

Художник, нарисуй мне друга,
чтоб были у него мальчишеские плечи,
неторопливые худые руки
и пальцы длинные, нерусские,
и шея недотроги,
кадык, подчеркнутый воротничком,
ему с мужчиной придающий сходство,
и благородный подбородок,
и рот, как намалеванный,
мясистый
преувеличенный и алый, как у клоуна,
и нос надменный, птичий,
и под соломою беспомощных волос
глаза,
в которых
остался ужас перед жизнью.

* * *

Я не знала, что счастье так доступно,
хотите, сами попробуйте —
одиннадцать рублей билет до Ступина
и четверть часа на автобусе.
И сразу
обрыв,

река под окном,
два дерева простые
и между ними
полотном
натянута Россия.

* * *

Отражалась улица в графине:
полукругом к небу шел троллейбус,
провезли корову на машине,
точно к гильотине королеву.

Жизнь кружилась, поднятая в смерче
бесконечной этой карусели,
только все казалось в сто раз мельче,
как оно и было в самом деле.

Юрий Панкратов

НОЧНОЕ КАФЕ В АРЛЕ

Пиджак беспомощно висел,
глаза худого исполина
смотрели весело. Винсент
Ван-Гог — художник из Парижа
приехал вечером ... Закат
светился пламенем бордовым
таким же ровным, как загар
на лицах в городе портовом.
И солнце, крупное, как франк,
над сонной ратушей качалось,
и как республиканский флаг
трехцветной радуга казалась.
Но ты мужайся и твори...
И пусть ты брошен и отвержен —
пылают ставеньки твои,
мой милый, старенький Антверпен.
... Ночное арльское кафе ...
Его продавленные лавки,
как парень с девкою в копне,
с трудом ворочаются лампы ...
Из-за раздвинутых портьер

с веселой легкостью артиста
 меланхолический портье
 с глазами старого садиста,
 с лицом похожим на портфель,
 с прической, крашеной сангиной,
 приносит тонкие сардины
 и швабский масляный портвейн...
 А свечка, свесившись с окна,
 дрожит, как вспышка бриллианта,
 и освещает край сукна
 засаленного бильярда ...
 Здесь люди курят и едят,
 поют за рюмками абсента.
 На них пронзительно глядят
 глаза художника Винсента.
 Но чья вина, но чья вина —
 кто отведет его заботу?
 И, отстраняясь от вина,
 Винсент садится за работу.
 Уже не помня ничего,
 как из провинции Мон-Педро
 в Париж с провизией — его
 глаза привинчены к мольберту.
 Его картина непривычна,
 как иностранная монета,
 его картина неприлична —
 какая странная манера!..
 На лицах блики никотина,
 на стенах старая мадера...
 О, злая сила негатива
 в тяжелой поступи модерна!
 Он видит родину в огне
 и вспоминает о Монмартре,
 где плачет женщина в окне
 и повторяет — О, мой мальчик!
 Скрипит тяжелый дилижанс,
 уныло тащится по рыжим
 бульварам,
 первый дирижабль
 висит над праздничным Парижем.
 А снег над городом летит...
 И на погонщика похожий
 бредет по улице Лепик
 высокий сморщенный прохожий.
 Как
 уплывает
 в темноту
 фонарь
 последнего
 вагона,

упала
 вяло
 на плиту
 рука
 безумного
 Ван-Гога...
 И вместо траурной родни
 за деревянной колесницей
 брели на кладбище одни
 деревья длинной вереницей...

ГРОЗА НОЧЬЮ

Когда по небу ходят молнии,
 Деревья кажутся лиловыми,
 А щеки милые и мокрые
 Становятся эмалированными.

Как будто наволочку в прачечной,
 Березу кружит и бросает,
 А ты стоишь в сирени плачущей
 Смеющаяся и босая!

Когда по небу ходят молнии,
 Родятся женщины красивые,
 И возникают песни вольные,
 И умирают люди сильные.

Когда по небу ходят возгласы,
 Земля наполнена духами,
 А мы летим с тобой по воздуху
 И грудь на полное дыханье!

Но как торопко ты померкла,
 Сирень в блестящем целофане.
 О, эта робкая примерка
 Двух губ при первом целованьи!

БАНИЩИК

Пропавший,
 Рваный.
 Пропавший
 Ванной.
 Эх, банщик Ваня,

Тебе постылы
 Угары бани,
 Огарки мыла.
 Бредешь устало,
 Снежок вминая, —
 В конце квартала
 Стоит пивная,
 В пивнушке этой
 Гудит веселье,
 Как в бане летом
 Под воскресенье.
 Разгар распива —
 Светло и мило,
 И пена пива,
 Как пена мыла.
 В веселом баре
 Тепло как в бане.
 В жарнице пьяной
 Ты снова банщик!
 Тебе Марьяна
 Поллитру тащит.
 От той «поллитры»
 Ты смотришь косо.
 На стол залитый
 Ложишься носом.
 И видишь четко,
 Как в ванне белой
 Лучится чье-то
 Святое тело.
 И пахнет розами
 И теплым медом,
 И чьи-то слезы
 Текут по бедрам.
 Страхнув небрежно
 Чужие капли,
 Она с одеждой
 Идет по кафелю,
 А ты с надеждой
 Стоишь у двери —
 Быть может, женщина
 Тебе поверит,
 Что не пропащий,
 Что ты не рваный,
 Что не пропащий
 Чугунной ванной.
 В платке зеленом
 Она выходит —
 Зрачком соленым
 Тебя обводит
 И оставляет

Лишь запах жаркий,
 Да русский волос
 Своей мочалки.

ДЕТСКОЕ

В комочке Олиных ладош
 Конфетина пунцовая.
 В саду идет зеленый дождь,
 По лужам пританцовывая.

Шепнула бабушка: «Надень
 Рубашку непомнящую» ...
 Весь этот день, весь этот день
 Наполнен непонятностью.

Рука у бабушки дрожит,
 Текут глаза болящие.
 А мама ... в комнате лежит
 В большущем белом ящике.

Я не могу никак понять,
 Из-за чего хождение.
 Быть может, это у меня
 Сегодня день рождения?

Мы смотрим с Олей за окно.
 Там маму вынесли во двор,
 Наверно, маме жарко.

Все это было так давно,
 Все это было так давно,
 Все это было так давно,
 Что мне ее не жалко ...

МЕДЛЕННАЯ ПЕСНЯ

Корабль уходит в море,
 Корабль уходит в море,
 Корабль уходит в море
 Далеко-далеко.

А море уходит в небо,
 А море уходит в небо,
 А море уходит в небо
 Высоко-высоко.

А небо уходит к звездам,
А небо уходит к звездам,
А небо уходит к звездам
Зеленым и синим.

А звезды уходят в вечность,
А звезды уходят в вечность,
А звезды уходят в вечность
Всечасно, безмерно.

А вечность уходит к людям,
А вечность приходит к людям,
А вечность нисходит к людям
Великим и малым.

А люди уходят в море,
А люди уходят в море,
А люди уходят в море,
А люди уходят ...

Генрих Сабир

«ОБЕЗЬЯН»

— На что жалуетесь, гражданка?
— Была она баба бойкая, а тут буд-
то язык отнялся — ничего сказать
Не может. Стоит, плачет.
— Дать ей новую квартиру и десять
тысяч от моего имени!

(Из народного фольклора)

Вышла замуж,
Муж как муж.
Ночью баба
Разглядела его, по совести сказать, слабо.
Утром смотрит: весь в шерсти,
Муж-то, Господи прости,
Обезьян!
А прикинулся брюнетом, чтобы, значит, скрыть изъян.
Обезьян кричит и скачет,
Кривоног и волосат.
Молодая чуть не плачет,
Обратилась в суд.
Говорят: «Нет повода...
Случай атавизма ...»

Лучше примиритесь ...»
Не дают развода.
Дивные дела.
Двух мартышек родила,
Отец — монтажник — верхолаз —
На колокольню Ивана Великого от радости залез
И там на высоте,
На золотом кресте
Трое суток продержался, вися на своем хвосте.
Дали ему
Премии,
Приз:
Чайный сервиз.
Жена чего ни пожелает, выполняется любой ее каприз.
Что ж,
Был бы муж, как муж, хорош —
И с обезьяной проживешь.

СМЕРТЬ ДЕЗЕРТИРА

— Дезертир?
— Отстал от части.
— Расстрелять его на месте!
(Растерзать его на части!)
Может быть, все это снится?..
Куст,
Обрыв, река,
Мост
И в солнце облака.
Запрокинутые лица
Конвоиров,
Офицера. —
Там воздушный пируэт —
Самолет пикирует,
Бомба массою стекла
Воздух рассекла —
Удар!..
Наклонился конвоир —
Офицер —
Санитар.
... — Еще живет?
... — Нести?
Разрывается живот.
Вывалились внутренности.
Сознания распалась связь ...
Комар заплакал, жалуясь,
Вьется и на лоб садится,
Не смахнуть его с лица...

По участку ходит мрачен,
Озабочен:
На доме прохудилась крыша,
На корню
Засохла груша,
Черви съели яблоню,
Сдох в сарае боров,
Нет на зиму дров.
А жена? Жена румяна,
На щеках горят румяна.
Она гуляет и поет —
Никого не узнает.
Говорит: «Чуждые вести:
Пропал без вести,
Пал героем,
Расстреляли перед строем!»
Взял молоток,
Влез на чердак
И от злости
И тоски
Забивает гвозди
В доски,
Всаживает
В свой живот.
Что ни гвоздь,
То насквозь!
Нестерпимая резь.
Ай!
Ой!
— Посмотри, еще живой.
— Оставь, куда его нести,
Вывалились внутренности.
(Комар не отстает, звеня).
— Братцы, не убейте меня.

РАДИОБРЕД

Лежа, стонет.
Никого нет.
Лишь на стенке черный рупор,
В нем гремит народный хор.
Дотянулся, дернул шнур!
Штепсель тут, розетка там.
Не верит своим ушам:
Шум,
Треск,
Лязг металла,
Радио забормотало:

«Последние известия,
Экстренное сообщение!
... На месте
Преступления.
... Большинством голосов.
... Градусов
Мороза.
... Угроза
Атомного нападения.
Эпидемия...
Война...
Норма перевыполнена!»
Снова хор. На фоне хора
Соло авиадвигателя,
Рев
Реактивной авиации,
Взрыв
Овации!
Больной глядит остеклявлено.
Рука
Судорожно сжала
Одеяло.
Из дверей — издали
Показался некто.
— Доктор!
— Надо
У меня проверить гайки.
Диктор:
«Лунная соната
Исполняется на балалайке».

ИКАР

Скульптор
Вылепил Икара.
Ушел натурщик,
Бормоча: «Халтурщик,
У меня мускулатура,
А не части от мотора».
Пришли приятели.
Говорят: «Банально!»
Лишь женщины увидели,
Что это — гениально.
— Какая мощь!
— Вот это вещь!
— Традиции
Древней Греции...
— Сексуальные эмоции...

— Я хочу иметь детей —
 От коробочки скоростей!
 Зачала — и в скорости
 На предельной скорости,
 Закусив удила,
 Родила
 Вертолет.
 Он летит и кричит —
 Свою маму зовет.
 Вот уходит в облака.
 Зарыдала публика.
 ТАКОВО ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ
 ВОЗДЕЙСТВИЕ ИСКУССТВА.
 Раскланялся артист.
 На площади поставлен бюст —
 Автопортрет,
 Автофургон,
 Телефон —
 Автомат.

ГОЛОСА

Вон там убили человека.
 Вон там убили человека.
 Вон там убили человека.
 Внизу — убили человека.

Пойдем, посмотрим на него.
 Пойдем, посмотрим на него.
 Пойдем, посмотрим на него.
 Пойдем, посмотрим на него.

Лежит — и вид как есть мертвецкий.
 Да он же спит, он пьян мертвецки!
 Да, не мертвец, а вид мертвецкий.
 Какой мертвец? Он пьян мертвецки.

В блевотине валяется ...
 В блевотине валяется ...
 В блевотине валяется ...
 В блевотине валяется ...

Берись за руки и за ноги,
 Берись за руки и за ноги,
 Берись за руки и за ноги,
 Берись за руки и за ноги.

И выноси его на двор,
 Вытаскивай его на двор.
 Вытряхивай его на двор!
 Вышвыривай его на двор!

И затворяй входные двери.
 Плотнее закрывайте двери!
 Живее замыкайте двери!
 На все замки запирайте двери!

Что он? Кричит или молчит?
 Что он? Кричит или молчит?
 Что он? Кричит или молчит?
 Что он? Кричит или молчит?

Иван Харабаров

* * *

Я весь из шершавой коры.
 Я весь

из сосновой хвои.

Я пришел

эту землю укрыть,
 убережь от болезни и хвори.

Я пришел из тайги,
 тяжелы и темны мои руки,
 мои корни — туги,
 мои ветки — упруги.

А в нездешних очах —
 слезы

жгучи и солонь,
 на смолистых плечах
 дремлют

черные соболи.

Принесу я весну
 лесам этим

чахлым и редким,
 я прохладу верну
 этим

теплым и мутным рекам.

Я плохого не сделаю,
 вам не быть

на меня в обиде.

Я всего лишь

зеленое дерево,
 не рубите меня —
 любите.

ЕЛКА

Лишь качание
маятника,
да шорох
за дверью ...
Почему
я не маленький
и в сказки
не верю?
Здравствуй, елочка,
елка,
золотая иголлка,
смуглые лапы,
светлые лампы.
Ты зеленая,
красная,
темная
синяя —
такая разная
и красивая.
Ты приходишь не часто.
Ты приходишь, чтоб люди
не забыли о счастье,
не разверились в чуде.
Ты немного смешная
и чуточку грустная —
такая большая
и такая
игрушечная!

ДРУГУ

О юность, о взглядов яркость,
К красоте и свободе любовь!

Ты из края солнца и яблок,
Я из царства кедров и льдов.

Ты оттуда, где дыни и дюны,
Я оттуда, где ветер да снег,
Но в глазах твоих — холод и думы,
А в моих — теплота и смех.

Нас с тобой подружила Россия,
Наши думы сплела и слила —
Помнишь, летом водила, носила
В дождь и зной от села до села?

Против грязи, довольства, покоя —
Наша свежесть и щек наших шелк.
Нам нельзя разлучаться с тобою,
Почему же ты вдруг ушел?

Ты ушел непонятный и милый,
Отчего, я никак не пойму.
О как холодно в этом мире,
Как мне трудно быть одному!

Только скроется солнце,
и мы беспокойно уснем —
зажигаются сосны
темно-зеленым огнем.

Зажигаются сосны,
таинственным светом горят,
непонятно и сонно
о чем-то с землей говорят.

И пока не растает
их синий волшебный —
сокровенные тайны
земля доверяет им.

Что их мучит, тревожит
и спать не дает по ночам —
что-то страшное, может,
почудилось их очам?

Есть что-то тревожное в воздухе
И в этой июньской полночи.
За криками паровозными
Мне слышатся крики о помощи.

Есть мертвое что-то во взглядах
Деревьев веселых, шумящих.
Весь мир нераскрыт, неразгадан,
Неясности полон щемящей.

Не знает никто, что будет,
Не жди, не ищи ответа,
Все дышит и пахнет бурей,
Но нету ни тучи, ни ветра.

Игорь Хомин

Дамба, клумба, облезлая липа.
Дом барачного типа.
Коридор. Восемнадцать квартир.
На стене лозунг «Миру — мир».
Во дворе Иванов
Морит клопов.
Он бухгалтер Госзнака.
У Макаровых пьянка.
У Барановых драка.

Ю. Васильеву

Рыба. Икра. Вина.
За витриной продавец Инна.
Вечером иная картина:
Комната, стол, диван.
Муж пьян.
Мычит: Мы-бля-я ...
Хрюкает, как свинья,
Храпит.
Инна не спит...
Утром снова витрина.
Рыба. Икра. Вина.

Жил за городом на даче.
Покупал билет. Кассирша не дала сдачи.
Ругался на весь вокзал.
На последнюю электричку опоздал.
В гостинице без паспорта не пустили в номер,
Ночевал на улице, простудился и помер.

Пригласил ее в гости.
Сказал: потанцуем под патефон.
Сам дверь на замок.
Она к двери, там замок.
Хотела кричать, обвиняла его в подлости.
Было слышно мычание и стон —
Потом завели патефон.

Кто-то выбросил рогожу,
Кто-то выплеснул помой,
На заборе чья-то рожа —
Надпись мелом: «Это Зоя».

Двое спорят у сарая,
А один уж лезет в драку...
Выходной. Начало мая.
Скучно жителям барака.

Познакомились у Таганского метро,
Ночевал у нее дома.
Он — бухгалтер похоронного бюро,
Она — медсестра родильного дома.

Он говорил ей пошлости
Вроде: не судите по внешности:
Я
Работаю в тресте питания.
Хотите, куплю на воротник мех?
Это имело успех.

* *
*

Мороз сегодня крепкий!
Поеживаясь зябко,
Один — который в кепке —
Сказал другому в шапке.
А тот в ответ на это:
А ты что ж думал, лето?

* *
*

Обозвала его заразой.
И он, как зверь, за эту фразу
Подбил ей сразу оба глаза...
Она простила, но не сразу.

* *
*

Л. Кропивницкому

Пили. Ели. Курили.
Пели. Орали. Плясали.
Сорокин лез целоваться к Юле,
Сахаров уснул на стуле,
Сидорова облевали.

Сергей Чудаков

* *
*

Пушкина играли на рояле
Пушкина убили на дуэли
Попросив тарелочку морошки
Он скончался возле книжной полки

В ледяной воде из мерзлых комьев
Похоронен Пушкин незабвенный
Нас ведь тоже с пулями знакомят
Вешаемся мы вскрываем вены

Попадаем часто под машины
С лестниц нас швыряют в пьяном виде

Мы живем — возней своей мышиною
Небольшого Пушкина обидя

Небольшой чугунный знаменитый
В одиноком от мороза сквере
Он стоит (дублер и заменитель)
Горько сожалея о потере

Юности и званья камер-юнкер
Славы песни девок в Кишиневе
Гончаровой в белой нижней юбке
Смерти с настоящей тишиною.

* *
*

Приходят разные повестки.
Велят начать и прекратить.
Зовут на бал. Хотят повесить.
И просят деньги получить.

И только нет от Вас конверта,
Конверта и открытки в нем.
Пишите, лгите. Ложь бессмертна,
А правда — болевой прием.

Но почтальон опять не хочет
Взойти на пьедестал-порог,
А может быть, ночную почту
Ночной разбойник подстерет.

Какая в том письме манера?
И если холод, если лед,
То пусть разбойник у курьера
Его и сумку отберет.

А если в нем любовь и ласка,
То нужно почту торопить —
На легкой голубиной лапке
Кольцо с запиской укрепить.

И небо синее до глянца,
И солнце сверху на дома,
И воркование посланца
И воркование письма.

СКРИПИЧНАЯ СОНАТА

«Чушка, чушка,
почешу за ушком»
(Ласка)

1

Купоросу
К опоросу

Свиноматер изсебейный
ПриПЕРЕплод вколбасила
Лу-Жи-Жа Мерзь Бакрово
Жирвотное животное
Сохлевники, однолохане
КаБанально соблезнуют
Хряквием

Хрюквием

Транзительно

Ръььвьииии!!!!

Пару перлов с рыла

скрыла

В НАВОЗЬ

Петух разгребет АВОСЬ!

Но убей

На обед

Ниобею!

Гильотак!

2

Ценят центнер мяс

Шкур куш

Кишки ж

и и и

Св тв ты (ШТПР)

и и и

На- на

де- де-

ты ку

Жиг-жиг шик? шик

Брааа... рааа... РВЕЛЬ

Черные изручины

Ивгриф циркуозно

семь пальцев левой

включены

Маэст

Маэстч

Ризбрызгил душу

душем

Во всякий глаЗЗЗаму

СЛЕЗуй

Люстрыдали

и дали

Фозхом

Ръььвьииии!!!!

Апофеоз свинины —

* *

Самоубийство есть дуэль с самим собой,
Искал ты женщину с крылатыми ногами,
Она теперь заряжена в нагане,
Ружейным маслом пахнет и стрельбой.
Инфляция листвы как биржевая рьяность.
На улицах дождей асфальтные катки.
Твой демон смерти стал вегетарьянец,
Теряющий салфетки и платки.
Забывчивостью старческой несносен,
И умственно немного нездоров,
Но в бесконечность отправляет осень
Скупые призраки почтовых поездов.
Когда дышать игрою больше нечем,
Давайте выдох на конце строки.
И взрежут ненависть, похожую на печень,
Звонящими ножами мясники.

* *

Когда кричат:

«Человек за бортом!»

Океанский корабль, огромный, как дом,

Вдруг остановится

И человек

веревками ловится.

А когда

душа человека за бортом,

Когда он захлебывается

от ужаса

и отчаяния,

То даже его собственный дом

Не останавливается

и плывет дальше.

Синтаксис № 2

(москвичи)

Выпущен в феврале 1960 г. Тираж около 300 экз.

Адольф Аврусин

ПЕСНЬ О СЕРДЦЕ

1. Сердце

Это сердце
стучит так громко,
с такой тревогой
за судьбы равных
(а равными
оно считает
всех).

Революционер!
Еще не время,
еще не время
складывать голову.
Будут новые революции,
твой опыт бесценен.

Художник,
взбунтуйся!
Перечеркни фотографии будней —
ищи основу.
В полотнах
красок
и философий
нужда большая.

Каменщик
с руками в наростах раствора,
скульптор,
перепачканный гипсом,
дойрка,
сливающая в бидоны
серебряное молоко, —
за вас тревожась,
стучит сердце.

2. Мое сердце

Мое сердце
не принадлежит мне,
а кому —
не знаю.
Может, оно у лайки,
не стучащее,
горячо умершее;

может, оно у бандита,
под пулями уходящего
в смертельную тайгу;
может, оно прибито
стрелой к дереву.

Или подарил его девушке,
с которой заговорить не решаюсь.
В груди тесно двум сердцам,
она ловит мои взгляды,
чтобы отдать
свое сердце мне.

Мое сердце и со мной
и не со мной.

Оно озаряет
карточный стол
и не позволяет
молчать рукам;

оно вытягивает
на бульваре ноги
и оскорбляет
не пожелавшую
заинтересоваться мной.

Сердце воина,
сердце труса;
сердце евнуха,
сердце любовника.

Всем нужно сердце,
на всех должно
хватить его.

Когда обвинят
в бессердечности —
усмехнитесь.

Мы-то знаем,
где оно!

ПОЧЕМУ НЕ...

Нарисую домишку
с голубою трубою,
с золотою каймою
на трубе голубой,

на окошки повешу
занавески из тюля,
из причудливой ткани
с кружевною каймой.

На обед приготовлю
суп с куриною ножкой,
похлебаю немножко
мельхиоровой ложкой,

а потом дорисую
в три ступеньки крылечко,
нарисую в окошке
три герани и кошку.

Дом готов, все на славу,
выйду в свет — танцплощадку,
подберу друга жизни,
заживем с ней вдвоем.

Заведу для расчетов
по хозяйству тетрадку
и к обители счастья
неспеша поплывем.

Порция постели,
порция обеда,
порция чистого белья.
Как же можно без милой,
жить без милой нельзя.

ДОРОГА

Легким ветром
пролетел сон звонкий.
Алое утро.

Распахивают километры
дали
ногам беспокойным.
Ветер попутный.

Смирный бульжник
машет
пылью вдогонку —
на счастье!

Из-под небесной шапки
руку навстречу
лес тянет.

Рюкзак бормочет тощий,
зовет в гости
кусоч хлеба.

Штаны по иголке
сучают,
одна подметка случайно
цела.

Шагаю.

Ночью легким ветром
прилетит сон звонкий.

Назавтра опять
шагать.

ВСПОМНИ

Волга просится в меня
голосами волн,
забытой
и вновь вспомнившейся
первой бурей
с первым страхом
и первой преодоленной паникой.

Волга просится в меня
ленивым покачиванием поплавка
на невсамделишных волнышах.

Одноглазые бакены
с нервным тиком,
подвыпившие берега;

стыдливые островки,
прикрывающие тиной наготу песка.

Из воды торчит
Затопленная белокожая колокольня
с кровавыми ссадинами кирпича.

Маленькая девочка входит в воду.
У нее солнечная спина,
радующая глаз.

Подсмотри рано утром —
мраморная Ассоль
окунается в розовые паруса волн.

К вечеру
возвращаются к причалам лодки.
Гребцы
медленно бредут по домам.

Через город к реке
проводит воздух
мелодии танцев.

Волга просится в меня
голосами волн.

СУТКИ

1. Ночь

Город на ночь
надевает пижаму
с полосками уличных огней.

Ползет троллейбус,
шаря поверху
в поисках дороги.

Ветер
в лоб наповал,
по лицу наотмашь.

Люди
спешат
по домам.

2. День

Процеженный лесом
снег
лежит у корней.

Не хочется
уезжать в Москву,
впрочем...
если раскрасить асфальты
хотя бы в семь цветов...
или вырезать на спутнике
сердце,
пронзенное стрелой.

3. Вообще

Мудрею.
Становлюсь дремучей.

Все острее желания,
все глубже прячу их.

Белла Ахмадулина

БОГ

За то, что девочка Настасья
добро чужое стерегла,
босая бегала в ненастья
за водкою для старика,

ей полагался бог красивый
в чертоге, солнцем залитом,
щеголеватый, справедливый
в старинном платье золотом.

Но посреди хмельной икоты,
среди убожества всего
две почерневшие иконы
не походили на него.

За это — вдруг расцвел цикорий,
и заиграли жемчуга,
и раздалось, как хор церковный,
простое имя жениха.

Зачем она среди весны
о той весне не вспоминала,
стояла просто у стены,
такая жалкая стояла.

И вот смертельный этот гром
раздастся, задевая рюмки,
и страшно упадут на гроб
жены его большие руки.

Придет его бесстыдный друг,
успевший прочитать в газете.
Для утешенья этих рук
он поцелует руки эти.

Они нальют ему вина,
и взглянет он непринужденно,
как на подушке ордена
горят мертво и отчужденно.

ПЯТНАДЦАТЬ МАЛЬЧИКОВ

Пятнадцать мальчиков, а, может быть, и больше,
а, может быть, и меньше, чем пятнадцать,
испуганными голосами
мне говорили:
«Пойдем в кино или в музей изобразительных искусств».
Я отвечала им примерно вот что:
«Мне некогда».
Пятнадцать мальчиков дарили мне подснежники.
Пятнадцать мальчиков надломленными голосами
мне говорили:
«Я никогда тебя не разлюблю».
Я отвечала им примерно вот что:
«Посмотрим».

Пятнадцать мальчиков теперь живут спокойно.
Они исполнили тяжелую повинность
подснежников, отчаянья и писем.
Их любят девушки —
иные красивее, чем я,
иные некрасивее.

Пятнадцать мальчиков преувеличенно свободно, а подчас
злорадно
приветствуют меня при встрече,
приветствуют во мне при встрече
свое освобождение, нормальный сон и пищу...

Напрасно ты идешь, последний мальчик.
Поставлю я твои подснежники в стакан,
и коренастые их стебли обрастут
серебряными пузырьками ...
Но, видишь ли, и ты меня разлюбишь
и, победив себя, ты будешь говорить со мной надменно,
как будто победил меня,
а я пойду по улице, по улице ...

* * *

Чем отличаюсь я от женщины с цветком,
от девочки, которая смеется,
которая играет перстеньком,
а перстенок ей в руки не дается?

Я отличаюсь комнатой с обоями,
где так сижу я на исходе дня,
и женщина с манжетами собольими
надменный взгляд отводит от меня.

Как я жалею взгляд ее надменный,
и я боюсь, боюсь ее спугнуть,
когда она над пепельницей медной
склоняется, чтоб пепел отряхнуть.

О, Господи, как я ее жалею,
плечо ее, понурое плечо,
и беленькую, тоненькую шею,
которой так под мехом горячо!

И я боюсь, что вдруг она заплачет,
что губы ее страшно закричат,
что руки в рукава она запрячет
и бусинки по полу застучат...

Нина Бялосинская

СКАЗКА

Наш кулик расхвастался чего-то —
расхвалил кулик свое болото.
Говорит:

— Полсвета обойдешь —
лучше нашего болота не найдешь.
Где еще так топко и так вязко,

так искусно выстелена ряска?
Где так ярко светятся гнилушки,
и так сладко квакают лягушки?
А лягушки выпучили глазки —
все на свете предают огласке,
все на свете предают огласке —
то ли это сплетни,

то ли сказки ...

— Говорят,
 меж нами,
 повседневно
не лягушка скачет,
 а царевна.

Вон она!

 Сидит на мокрой кочке,
на мясистом жилистом листочке.

— Погляди-ка!

 Как на нас похожа! —
Точно та же лягушачья кожа,
лапки,
 глазки —

 ну как есть такая ж!
— Ничего ты в ней не понимаешь.
Погоди.

 Однажды,
 темной ночью,
пролетит стрела над этой кочкой.
А потом —

 Иван-царевич явится.
Он поверит,
 что она — красавица,
что навеки поселиться стоит
в тереме,

 какой она построит,
и что в целом мире нет вкуснее
пирога,
 состряпанного ею.

Улыбнется,
 скажет:
 — Веселися,
свет мой,

 дорогая Василиса.
Вот тогда царевна сбросит кожу,
на лягушку станет не похожа.
Пойдет плясать —

 от ее взора —
разольются вокруг светлые озера.
Топнет ножкой раз —

и с ней рядом —

зацветет земля свежим садом.
Поведет рукавом, рукой правою —
серы-гуси, белы-лебеди заплавают.
Поведет рукавом, рукою левою —
заворкует сизый голубь с голубицей белою.
С ней Ивану поживать — не нарадоваться.
А добра наживать — не понадобится.

Так лягушки квакали намеренно.
А другие перебили:

 — Бредни.
Что там напридумывали люди!
Не было такого

и не будет.
Ведь давным-давно известно свету,
что Иван-царевича-то —

нету.
— Ну, а если б выискался кто-то?
Для чего стрелять ему в болото?
Для чего топтаться между кочек?
Мало, что ли, маменькиных дочек?
Терем, говоришь, нагородила?
У него на синем море — вилла.
И тортов ему не надо,

кроме
тех,
 что продаются в гастрономе.
Ни озер,

 ни лебедей,
 ни сада —
никаких премудростей не надо.
— Для чего ж кружить, мои подружки,
голову

 молоденькой лягушке.
Как она задумалась, бедняжка!
Ей от этих дум живется тяжело.
Почему она молчит часами?
— Никогда не поболтает с нами.
— Не играет с нами в чет и нечет.
— Лягушачью икру не мечет.
— Ишь она! —

в лягушки не годится,
а в царевны вздумала рядиться!
Мне б тогда уйти своей дорогой,
кулику сказать:

 — Меня не трогай!
Лягушачьи сплетни слушать хватит!
Всяк кулик свое болото хвалит.
Мне ж к своим делам необходимо ...
Почему-то

не прошла я мимо,
почему-то отыскала кочку,
где сидит лягушка на листочке.
Отыскала — и спросила:

— Верно —
будто не лягушка ты —
царевна?
Покосясь на лягушачью стаю,
мне она ответила:

— Не знаю.
Если сказку выдумали люди,
обязательно такое будет?

Все уже сбылось на белом свете —
самолеты качает ветер,
обернулись леса городами,
а пустынные степи — лесами,
на рябине выросли груши,
расплескались моря по суше —
все на свете сказки — былью были.
Только вот лягушку позабыли.
Или больше силы нет в народе?
Ко двору прикован да колу?
— Как живешь,

Иван-царевич?
Где ты бродишь?
Бережешь ли ты
свою стрелу?

* * *

Словно птаха в окно,
словно рыба об лед,
бьется сердце одно ...
Но —

ни вплавь,
ни в полет.
Целый день,
всю-то ночь,
и опять поутру ...

А дано от рождения биться ему,
словно пламя в дыму,
словно флаг на ветру.

Сергей Калашников

ВЕСНА В КОНТОРЕ

Дела идут, контора пишет,
в конторе девушка сидит.
Она не видит и не слышит,
как за окном весна гудит.

Еще вчера на всех заборах
скворцы налаживали связь,
а возле здания конторы
большая лужа разлилась.

Хотелось девушке беспечно
пускать кораблики по ней,
а из инструкций бесконечных
бумажных делать голубей,

умчать туда, где ветер крепкий,
земля гола до черноты...
Но кто-то канцелярской скрепкой
.....

А утром дали ей взысканье
за то, что допускает лень
и не явилась на собрание
в Международный Женский День.

Когда приказ подшили в дело,
хотелось от тоски кричать...
На бланке неба
солнце тлело,
как чья-то круглая печать.

Опять в окне чернеют крыши,
на крышах тает мокрый лед...
Дела идут, контора пишет,
кассирша деньги выдает.

ИЗ ЦИКЛА «СТРАНА ВАЛЕРИЯ»

Наверно, это все-таки безумие —
так полюбить тебя, как я люблю
глаза твои — воистину бездумные,
и гордое презрение к рублю,

не прошла я мимо,
почему-то отыскала кочку,
где сидит лягушка на листочке.
Отыскала — и спросила:

— Верно —
будто не лягушка ты —
царевна?

Покосясь на лягушачью стаю,
мне она ответила:

— Не знаю.
Если сказку выдумали люди,
обязательно такое будет?

Все уже сбылось на белом свете —
самолеты качает ветер,
обернулись леса городами,
а пустынные степи — лесами,
на рябине выросли груши,
расплескались моря по суше —
все на свете сказки — былью были.
Только вот лягушку позабыли.
Или больше силы нет в народе?
Ко двору прикован да колу?
— Как живешь,

Иван-царевич?
Где ты бродишь?
Бережешь ли ты
свою стрелу?

* * *

Словно птаха в окно,
словно рыба об лед,
бьется сердце одно...
Но —

ни вплавь,
ни в полет.
Целый день,
всю-то ночь,
и опять поутру...

А дано от рождения биться ему,
словно пламя в дыму,
словно флаг на ветру.

Сергей Калашников

ВЕСНА В КОНТОРЕ

Дела идут, контора пишет,
в конторе девушка сидит.
Она не видит и не слышит,
как за окном весна гудит.

Еще вчера на всех заборах
скворцы налаживали связь,
а возле здания конторы
большая лужа разлилась.

Хотелось девушке беспечно
пускать кораблики по ней,
а из инструкций бесконечных
бумажных делать голубей,

умчать туда, где ветер крепкий,
земля гола до черноты...
Но кто-то канцелярской скрепкой

А утром дали ей взысканье
за то, что допускает лень
и не явилась на собрание
в Международный Женский День.

Когда приказ подшили в дело,
хотелось от тоски кричать...
На бланке неба
солнце тлело,
как чья-то круглая печать.

Опять в окне чернеют крыши,
на крышах тает мокрый лед...
Дела идут, контора пишет,
кассирша деньги выдает.

ИЗ ЦИКЛА «СТРАНА ВАЛЕРИЯ»

Наверно, это все-таки безумие —
так полюбить тебя, как я люблю
глаза твои — воистину бездумные,
и гордое презрение к рублю,

и залихватские оттенки голоса,
и полное отсутствие тоски,
и то, как ты причесываешь волосы,
и то, как ты выходишь из такси.

Над ресторанной суетой крикливою
возносишь ты спокойно и легко
лицо — нечеловечески красивое,
нечеловечески красивое лицо...

Рассказываешь всякие истории —
студенческий,

обычный,

милый вздор.

Но вот официантка из «Астории»,
смутившись вся,
вступила в разговор.

В ней не было застенчивости рабьей,
и слезы не горели на щеке,
но вы разговорились — так по-бабьи,
на женском откровенном языке...

Ты жадно слушала ее признания:
«Да что мне делать тут?

Вернусь в село».

О женщины,

вы — жены по призванию,

и это в вас прекраснее всего.

ИЗ ЦИКЛА «СТРАНА СВЕТЛАНДИЯ»

Есть на свете Страна Светландия,
территория — восемь метров.
Что там Бельгия, что Голландия
рядом с этой страной светлой?

На столе — мои книги, и только,
а на стенках — твои наброски,
и в пролив меж тахтой и столиком
я вхожу, как корабль громоздкий.

Ты ж влетаешь сюда, как храбрая,
как летающая снежинка...
Здесь работает, словно фабрика,
моя пишущая машинка.

Не уснешь тут от стука, от скрежета,
но зато среди ночи синей
сочиняю я строки грешные
о тебе, о такой красивой.

Здесь уверен в своем таланте я,
словно в ветре попутном — снасти,
и выходят окна Светландии
к солнцу,

к миру

и просто — к счастью.

ИЗ ЦИКЛА «ЖЕНА»

На третьем году супружества,
четвертом — с момента встречи,
осточертели до ужаса
слезы,

угрозы,

речи.

На третьем году супружества
я, именуемый мужем,
не нахожу в себе мужества
лелеять одну и ту же.
Хочу любить, а не тужиться,
и тянет пропить до нитки
на третьем году супружества,
тридцатом месяце пытки.

Эльмира Котляр

* * *

Разве ты великан?
Почему же ты мне
Заслонил просторы?
За твоими плечами
Еле видны
Маленькие леса и горы.
Если ты великан,
Почему я рядом с тобой
Связана по рукам и ногам?
Воздуха мне оставляешь
Скупой глоток.

Где же твои дары?
Ты жесток.
Разве ты великан?
Великаны добры.

* * *

А я уже в степи была!
Я видела медлительных
Волов кирпичных.
И того возницу
Степного деда.
А шляпа у него —
Дырявое соломенное солнце.
Я видела хлебов раскачку,
Степнячку юную,
И ночь медлительную,
Южную.
И в хуторах сады
Степными гнездами.

* * *

Ку-ку!
Ку-ку!
Кукушка.
На пригорке церквушка.
По левую руку пастбище,
А за пригорком кладбище.
А еще идут две старицы:
Стук-стук по земле две палицы.
И забор новый ставится,
А то старый повалится.
И в голове
Ни словечка, ни мысли...
Только ведра тенькают на коромысле.

* * *

Гордость!
Во имя дела праведного
Прикажи мне его не жалеть
Ни больного, ни раненого!..
А если прилетят
Его вестовые голуби,
Рубите им головы!
Лесом клянусь,

Клянусь огнем.
Не думать о нем.

* * *

Дымок в поле от костра.
По полям бредут стада.
А ворона на стогу
Ни стара — ни молода...
Скоро, скоро холода.

Николай Котрелев

* * *

Мелел лемм хлам.
Дым коромыслом был.
Мысль — небылицы.
Лица — моток.
Стинул поток — унеслась кобылица...
Тянулся, мая,
поезд метро.
Ров ...
Бюст в шоколаде стены ...
Ладил
клади шоков
темы —
темны.
Плыли воском.
Растекались.
Выстеклись хоть одна.
Не было дна ...
Л и М,
свиваясь, смёрзлись...
Смеркалось ...
Искал вас ...
Говорил Хлебников.
Втянул говор — ил.
И просилось Л ...
Не был смел ...
Там — темь,
мёрз мост — переносица берегов.
Я берег мел — был мал;
играл в ...
Уберечь не сумел.
Выбелил руки, лицо.
Сухо им ...
Нелюдим.

* *
*

Когда не стало теней.
Воздух был ровен,
в смятении.
Скрылись в тучах
брови домов,
чахли
над улицами этажи.
Путались номеров дробы —
города дебри.
Город не жил.
Я шел, как всегда,
за собой волоча
чувств
голодом уморенных волчат.
Город был пуст.

* *
*

Из крана капали часы,
мой мозг,
как звон в ушах,
молчал.
Я не хотел,
но кто-то ставил на весы
узлы моих концов
и нити тонкие начал.
Исчезла качка фонаря,
и стали стекла голубы.
Паяц,
ломаясь,
повторял
решенье чье-то:
о о е.

* *
*

В доме, который стар,
в доме, который стоять устал,
битый кирпич коридоры устлал.

Л. Г.

В щелях весны синева.
На стаканах письма.
Скрип в стропилах-костях,
синь приникла к ногам окна.
Звук ее — не орган и монах —
Идола молит осяк.
Мудрость немая окна страшна.
Надписи на стенах.

* *
*

Л. Г.

О, волокнистый задник зорь!
Там чутко стыннут облака,
глаза морочащая хворь —
рассвет встает, клочок.
И деревянных декораций
заводов,
улиц
лжива близь.
Так день идет,
чтоб издеваться,
по жалкой шаткости кулис.

Булат Окуджава

ПЕСЕНКА О КОРОЛЕ

Во дворе, где каждый вечер все играла радиоло,
где пары танцевали, пыля,
ребята уважали очень Леньку Королева
и присвоили ему званье короля.

Был король как король: всемогущ, и, если другу
станет худо и вообще не повезет,
он протянет ему свою царственную руку,
свою верную руку и спасет.

Но однажды, когда «Мессершмитты», как вороны,
разорвали на рассвете тишину,
наш король, как король, он кепчонку, как корону,
набекрень и пошел на войну.

Вновь играет радиола, снова солнце в зените,
да некому оплакать его жизнь —
потому что тот король был один (уж извините),
королевой не успел обзавестись.

Но куда бы я ни шел, пусть какая ни забота
(по делам или так погулять),
все мне кажется, что вот за ближайшим поворотом
короля повстречаю опять.

Потому что на войне, хоть и вправду стреляли,
не для Ленки сырая земля;
потому что, виноват, но я Москвы не представляю
без такого как он короля.

ВАНЬКА МОРОЗОВ

За что ж вы Ваньку-то Морозова?
Ведь он ни в чем не виноват.
Она сама его морочила.
А он ни в чем не виноват.

Он в новый цирк ходил на площадь
и там циркачку полюбил.
Ему б кого-нибудь попроще,
а он циркачку полюбил.

Она по проволке ходила,
махала белою рукой,
и страсть Морозова схватила
своей мозолистой рукой.

А он швырял в «Пекине» сотни
(ему-то было все равно).
А по нему Маруся сохнет,
и это ей не все равно.

А он медузами питался,
циркачке чтобы угодить.
И соблазнить ее пытался,
чтоб ей, конечно, угодить.

Не думал, что она обманет:
ведь от любви беды не ждешь ...
Ах, Ваня, Ваня! Что ж ты, Ваня!
Ведь сам по проволке идешь.

СОЛДАТ БУМАЖНЫЙ

Один солдат на свете жил
Красивый и отважный,
Но он игрушкой детской был,
Ведь был солдат бумажный.

Он переделать мир хотел,
Чтоб был счастливым каждый,
Но над кроватью все висел,
Ведь был солдат бумажный.

Он был готов в огонь и в дым,
За вас погибнуть дважды,
Но потешались вы над ним,
Ведь был солдат бумажный.

Не доверяли вы ему
Своих секретов важных.
А почему? А потому,
Что был солдат бумажный.

А он, судьбу свою кляня,
Не тихой жизни жаждал
И всё просил: — Огня, огня —
Забыв, что был бумажный.

В огонь? Ну что ж!
Иди. Идешь?
И он пошел однажды.
И так сгорел он ни за грош —
Ведь был солдат бумажный.

ПРИПОРТОВЫЕ ЦАРЕВНЫ

Над синей улицей портовой
Всю ночь сияют маяки.
Закинув ленточки фартово,
Всю ночь гуляют моряки.

Кричат над городом сирены,
И чайки крыльями шуршат,
И припортовые царевны
К ребятам временным спешат.

А утром, может быть, простится
Придут ребята, да не те.
Ах, море, синяя водица,
Ах, голубая канитель!

Его ни в чем ты не умолишь,
Взметнутся щепками суда.
Земля надежнее, чем море,
Так почему же вы туда?

Волна зеленая задушит,
Ее попробуй упросить...
Ах, если б вам служить на суше,
Да только ленточки носить.

ШАРИК

Девочка плачет:
шарик улетел.
Ее утешают.
А шарик летит.

Девушка плачет:
жениха всё нет.
Ее утешают.
А шарик летит.

Женщина плачет:
жениха всё нет.
Ее утешают.
А шарик летит.

Плачет старуха:
мало пожила...
А шарик вернулся...
А он голубой.

Олег Прокофьев

Бренный бред
Быт
Сбыть с рук
Труд груб
Бей лоб
Бунт друг
Волк добр
Сгрыз грех

Съел страх
Грей грязь
Грабь гроб
Вой век
Воздух роздан
Поздно зван
Праздный бог
Опоздал

* * *

У тварей свой расчет
Каждая стучит
Незачем
Выламывай плечом
Вымаливай почем
Поменяли маски
Разбросали краски
Встряска для остратки
Разбегайтесь по углам
Где хлам
Это мне по карману
По рукам
Без обмана
Не дам выпытывать
Нельзя выматывать
Собратья соврали
Топтали
Выкрали
Из лучших чувств
А был хороший пост
И парень прелесть
Плюс свист
Длинная челюсть

* * *

Вагон
Консервная квартира
Полки пугливые на полках
Мир купирован
Я тоже сел
Невесел новосёл
Приснился сон,
Что невесом

И воздухом несом
 Гоняют ночью поезда
 Такая чортова езда
 Спешу куда-то я
 Обеспокоенный не я
 Роль есть у меня
 Не для меня
 Не обменять ее ни с кем
 Я состою из схем
 Фантазий и фантомов
 Атомов и электронов
 Как все
 Одежка старомодна
 А души голые
 Для службы годные
 Похожи
 Звериной волей
 Разведены
 Пускай помилуют меня
 Собака лошадь и свинья

• •
 •

Белый волос
 Финский сфинкс
 Соломенный костер
 Кем подожжен?
 Огонь без дыма
 Игра без грима
 Прятки напоказ
 Звериный стан изогнут крепостью
 Раствора смеха на грехе
 Напасть
 Нелепость
 Грязь из глаз
 Акулы пасть
 Удар хвоста
 И прозе праздника конец

• •
 •

Полифония костей
 Пересекает стул
 Тело мятая постель

Я уснул
 Укрытый нотами
 Музыка
 На что ты мне
 И без тебя забыт заботами
 В пустыне времени
 Сквозняк
 Размеренно и медленно
 Вошла собака
 В ней судьба наглядна
 Не голодна
 И ладно

Александр Тимофеевский

СЛОВО

Стертой монетой упало слово,
 А я хочу поднять его снова!
 Чтобы все увидели блеск металла,
 Для этого жизни должно быть мало!
 Родилось слово, как правда, голо.
 Оно трепетало, как в небе голубь.
 И шли за ним на смерть и на голод.
 Звучало слово в сердечном стуке
 И вдруг попало убийце в руки.
 Там, где орудовал вор кастетом,
 Его находили по всем приметам.
 Оно прикрывало хватку воровую,
 Себя покрывало грязью и кровью.
 И вор по свету пустил фальшивку,
 Из слов похожих скроив подшивку.
 Была подхвачена мысль ханжами
 Издать миллионными тиражами.
 И слово трепали в богатых дачах,
 В дешевых радиопередачах,
 И слово твердили в речах елейных
 Повседневных и юбилейных.
 И слово жирело и разбухало,
 Осточертело всем... и упало.
 Стертой монетой упало слово.
 Кому, как не нам,
 поднять его снова?

*
*

Я болен проклятой болезнью
И мучаюсь мукой боления.
Я знаю — борьба бесполезна,
Но нет от нее избавленья.
Ночь смотрит из окон незрячих,
Бесстыдно ложится на плечи
Пытать меня плачем кошачьим
И мстить немотой человеческой.
То дыбится черною хмарью,
То к горлу подкатится стервой ...
И дом наполняется гарью
От жара дымящихся нервов.
Хочу я, охваченный страхом,
Будить не соседей — планету ...
Луны заржавелая бляха
Велит мне молчать до рассвета,
Лежать на кровати железной
И слушать, и слушать скрипенье.
Я болен проклятой болезнью,
И нет от нее избавленья.

А по сердцу свищет и свищет,
И к утру его иссекут
Тяжелых минут кнутовища
И тонкие плети секунд.

«ФРАНСУАЗЕ» ПИКАССО

Город жуткий и бездонный,
Город атома и стали.
Ты устала быть Мадонной,
И глаза твои устали.

Город вирусной заразы
И огней из черной глубины.
Франсуаза, Франсуаза,
Для чего меня ты любишь?

Словно кондор — дома контур,
Эти контуры — дома ли?
Ты устала быть Мадонной,
И глаза твои устали.

Мне сегодня жить не надо,
И спешить к тебе не надо,
И любить тебя не надо,
Будет вызван врач мне на дом.

О, со всеми в мире «надо»
Я б хотел покончить разом,
Франсуаза, Франсуаза
С бесконечно долгим взглядом!

*
*

Небо высшим начальством
Заковано в звездные цепи,
Вечер пуст, как пусты
Астраханские голые степи.
Вечер пуст, и любить, и мечтать
Нет смысла и толка,
За душой ни черта,
Как в соседней лавчонке Райторга.
Вечер нуден и скучен,
Как свод грамматических правил...
Я бы скрипку послушал,
Да адреса ты не оставил.
Ты «Чакону» Витали
Сыграть обещал мне иначе,
В рог луна завитая
Висит над хибаркой рыбацкой.
Под грошовой иконой
Лампада мигает елеяно...
Ты играешь «Чакону»
В двухмерном пространстве Эйнштейна.

*
*

Я все музу беспокою,
Я теперь хочу помочь ей;
Написать тебя такую,
Как была ты прошлой ночью.

Я вписал бы без ошибки,
С леонардовым уменьем,

От улыбки до улыбки
Всю тебя в стихотворенье.

А потом бы каждый вечер
(Разве это невозможно?)
Из стихов тебя за плечи
Вынимал бы осторожно.

Чтоб строфа не развалилась,
Я вставлял бы многоточья...
И опять бы повторилось
То, что было прошлой ночью.

Виталий Шестаков

* * *

Почему не поется песня?
Эта временная немота
скоро льдом по апрелю треснет,
душу начисто измотав.
Оттолкнувшись рукой от ступени,
ставить ногу на новый мотив...
Нет. Стерев отшпиевшую пену
и отбросив из прошлого стих,
я уйду из ушедшего ...
Строки,
как постройка —
свежа и нова.
Разнесет, разлетевшись, тройка
дорогие, другие слова.
Новый строй
новых слов,
новых мыслей,
новых дней поднимается мир,
и большой —
без годов и без чисел
начинается будущий мир.

Душу начисто измотав,
эта временная немота
скоро льдом по апрелю треснет.
И рождается песня.

* * *

Непричесанный,
сразу сделал улицу скользкой
и стеклу ветровому в лоб рассмеялся
на пустом перекрестке
через край, на глаза перехлестывал
и лизнул чей-то плащ за углом.
А потом пролетали лестницы,
загнан был я в окна переплет
посмотреть, как предметами лоснится
город, который мне переплыть.
А потом спотыкался сослепу
об углы — подвернулась нога.
Белый шквал выметал с подворотен пух
под ноги ниагар.
И фигура как будто нездешняя,
из каких-то нетронутых зон
медленно шла по воде,
рисую зонтиком горизонт.

* * *

С залива метет, забывая о времени.
Перевернуты лодки,
и эллинги настезь.
Снег еще на ступенях,
упавших к воде.
Не напомним весны
этот день
из апреля.
И с залива метет по наклонному насту.
И звенит всеми звеньями цепь.
Наш костер по-осеннему прятан.
По-осеннему ветер упрям,
и по-зимнему двери закрыты.
Пейзаж повисает наброском в ветвях.
Ближе —
запах эфира и лака —
красят яхты.

* * *

Осень — кричащая птица.
Осень с кричащими птицами,
ветра пустыми глазницами.
Банальная серая.
Синяя.
Апельсинная осень.
Осень с лимонами.
Осень ли?
Осень.
И снова последняя жертва
уходит
в изломанность жестов,
безвыходность линий,
безвыездность ливня
и пьесу,
как жизнь, —
без сюжета.
Осень — безумная птица
в клетке томится и просится.
Мне по сердцу эта осень.

Синтаксис № 3

(ленинградцы)

Выпущен в апреле 1960 г. Тираж 120 экз.

Дмитрий Бобышев

* * *

Равнодушие —
Набитый льдом,
Наполненный снегом дом.
Равнодушие —
Не для жилья,
Для замораживания дом.
Погреб. Плюшевый склеп.
Равнодушие. Дом.
Пыльный хлеб и коробки.
Корки, мертвые птицы, очески, поскребыши.
Загляни — здесь и люди,
Двугорбые люди — уроды!
И подохнут со скуки.
И люди!
О люди — верблюды!
И девки — о потаскухи.
Загляни.
Но попробуй зайди —
Лишь попробуй!
Я уподоблюсь врачу.
Вырву глаз, выбью зубы,
А возвращу!
Равнодушие.
Гроб. Мертвечина.
Муравьи и мышинный помет на полу.
Мертвечина.
Мертвый дом. Птичьи перья. Разбитые клешни.
Равнодушие. Дом. Равнодушие

* * *

Когда пойдет военный эшелон
Мобилизованных, задумчивых, не шустрых,
Вздыхающих особо тяжело,
Мой друг, давай
Преувеличим чувства!

Вот девочка! — последнее знакомство —
Улыбка у вокзального навеса.
Припоминай! Хватай себя за космы,
Люби ее! Она твоя невеста!

А тот — вчера — оборванный стоит,
С глазами — из лохмотьев, из бород —
В слезах, он кто? Он, думаешь, старик?
Он родины костлявый жест: «Вперед!»

Сегодня
Жизнь
Измерена
До дна.
Мы приготовлены и падать и лечиться.
И — где б ты ни остался — под иль над,
Ты будешь над иль под землей —
лучистым!

Ты будешь четкой, ясною звездой.
И ты — герой.
Герой уже сейчас.
У девочки твоей со взглядом вдовьим
Зажглася ожидания свеча.

К ЗАПУСКУ КОСМИЧЕСКОЙ РАКЕТЫ

Как мало жить!
А все стоит земля.
А все толпятся у газет рабочие.
Себе наращивают мозоля
От писем
служащие почты.

И за отгруженными дровами
Играют дворники в бильярд.
А ведь жратва еще не даровая,
И не бесплатна выдача белья.

Но нет — людей все пустота пленяет,
И приспособлены нарочно скорости
О заграничные планеты
Расплющивать живые кости.

Вот человек!
На столь короткий срок
Ему отпущено любви и хлеба.
Ан грудь отталкивает сосунок
И тычет пальцем в небо!

А где, скажите, дворник проживает?
Где горб и мозоли наживает?
Где метлы и щетки,
Лопаты его и скребки?
Ему работы до чорта
Доставят окурки и коробки.

А человек!
На сколь короткий срок
Тебе отпущены безумства и болезни.
Ты неудачный времени сынок,
Бредущий по разбитой лестнице.

Так починяй перила на земле
И ремонтируй дворнику жилье.
Он проживает тоже на земле
И честно моет и скребет ее.

* * *

Где ты бываешь?
Где ты забываешь
Мои уходы, шорохи, касанья?
Кому согласно головой киваешь,
Отломленную веточку кусая?

Твоя совсем заброшенная комната,
Она живет, она грустит о ком-то.
Чужие лица ходят, курят.
Позванивают стекла по ночам.

Где ты вчера была?
Какую песню пела поначалу?
И плакала, кусая веточку,
И проходила мокрым парком.
И кто-то знающий и сведущий
Тебя утешил летним Парголово.

Твоя оставленная комната,
Она живет, она грустит о ком-то,
Постукивают дятлы по ночам.

Где я найду тебя такую,
Какую знал я поначалу?
Где без ступенек и перил
Та лестница кошачья, окаянная?

На самом подступе к двери
Я грохнусь о нее коленями.

Ведь лестница
И та под мною ластится!

А ты идешь себе...
И только дождь
Втыкает в землю тоненькие клинья.
И в городе идет такой же ливень,
И он не хуже и не лучше,
У рюмочных и поликлиник
Похожие разводит лужи.

А ты уходишь...
Ты сама не знаешь,
Куда уходишь?
Где ты забываешь?

ТАМ БЫЛИ ДОМА

Там был дом,
на другом
берегу.
У солдат был там перекур.
Там был дом.
Люди жили в нем.
А солдаты пришли потом.
Перед этим.
Утром — тихо. А днем
пели дети.
А солдаты шли по дороге,
видят — дом.
У деревьев сломали ноги,
разожгли с трудом.
Слушали, как один поет —
через тело шрамы —
разворачивали паек,
шелестели, жрали.
Покурили. Потом огонь
притоптали своей ногой
и ушли.
И конец на том.
Там был дом.
Там
был
дом.

Иосиф Бродский

Еврейское кладбище около Ленинграда.
Кривой забор из гнилой фанеры.
За кривым забором лежат рядом
юристы, торговцы, музыканты, революционеры.
Для себя пели.
Для себя копили.
Для других умирали.
Но сначала платили налоги,
уважали пристава,
и в мире этом, безвыходно материальном,
толковали Талмуд,
оставались идеалистами.

Может, видели больше.
Может, верили слепо.
Но учили детей, чтобы были терпимы
и стали упорны.

И не сеяли хлеба.
Никогда не сеяли хлеба.
Просто сами ложились в холодную землю,
как зерна.

И навек засыпали.
А потом их землей засыпали,
зажигали свечи,
и в день Поминовения
голодные старики высокими голосами,
задыхаясь от холода,
кричали об успокоении.

И они обретали его.
В виде распада материи.

Ничего не помня.
Ничего не забывая.
За кривым забором из сырой фанеры.
В четырех километрах от кольца трамвая.

* * *

*«Мои мечты и чувства в сотый раз
идут к тебе дорогой пилигрима»*

ШЕКСПИР

Мимо ристалищ, капищ,
мимо шикарных кладбищ,

мимо храмов и баров,
мимо больших базаров,
мира и горя мимо,
мимо Мекки и Рима, —
синим солнцем палимы,
идут по земле
пилигримы.

Увечны они, горбаты,
голодны, полуодеты.
Глаза их полны заката.
Сердца их полны рассвета.
За ними поют пустыни,
вспыхивают зарницы,
звезды встают над ними

и хрипло кричат им птицы,
что мир останется прежним.
Да. Останется прежним,
ослепительно снежным
и сомнительно нежным.
Мир останется лживым.
Мир останется вечным,

может быть, постижимым,
но все-таки бесконечным.
И, значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога.
И, значит, остались только
Иллюзия и дорога.
И быть над землей закатам.
И быть над землей рассветам...

Удобрить ее солдатам.
Одобрить ее поэтам.

СТИХИ О ПРИНЯТИИ МИРА

Все это было, было.
Все это нас палило.
Все это лило, било,
вздергивало и мотало,
и отнимало силы
и волокно в могилу,
и втаскивало на пьедесталы,
а потом низвергало,
а потом забывало,
а потом вызывало

на поиски разных истин,
чтоб начисто заблудиться
в жидких кустах амбиций,
в дикой чаще простраций,
ассоциаций, концепций
и — просто — среди эмоций.

Но мы научились драться.
Но мы научились греться
у спрятавшегося солнца
и до земли добираться
без лоцманов и лоций;
но — главное —
не повторяться.

Нам нравится постоянство.
Нам нравятся складки жира
на шее у нашей мамы,
а также — наша квартира,
которая маловата
для обитателя храма.
Нам нравится распускаться.
Нам нравится колоситься.
Нам нравится шорох ситца
и грохот протуберанца,
и, в общем, планета наша,
похожая на новобранца,
потеющего на марше.

ЗЕМЛЯ

Не проклятая,
не грешная,
черная, но не страшная,
Земля, росой блестящая,
но все же пухом не ставшая
и даже матрацем не ставшая
для бедных,
для осужденных,
для изгнанных
и для павших,
короче — для побежденных;
помимо того, что вертится,
Земля еще занимается
маленькими проблемами:
сокращением смертности,
повышением рождаемости,

бьется над расщеплением
ядер собственных атомов,
а также над исправлением
погребенных горбатых.
Земля полонез разучивает
у меня за стеною;
являя свое могущество,
устраивает
предо мною
древние постановки
ужасов завывающих
с трамвайными остановками
на площадях
и кладбищах,
с истинами безусловными,
с осатанелым криком:
— Да здравствует
безголовая,
но крылатая
Нике!

Дойти не томом,
 не домом,
не прочным водопроводом,
не отдаленным громом,
не крестовым походом,

не уставами партий,
не ржавчинами пиццалей,
не разницей восприятий,
не скрежетами скрижалей

и не Христовой раной,
не крестом,
 не божницей,
и даже не древним храмом,
и даже не криком птицы, —

но вздрагивающим в метели,
но избегнувшим тлена
пламенем Прометея
над посохом Диогена!

Глеб Гарбовский

HEBE

Я могу не вернуться к Неве

МОЛОДЫМ...

Что тогда?

Как держаться тогда с Невой?

Будут девушки мимо меня,

как льды.

проплывать,

ТОЧНО Я — НЕ СВОЙ,

безразличный девушкам.

ИМ...

Я могу не вернуться к Неве молодым...

Как тогда улыбаться ей

старым ртом?

Ревматическим костяком

как тогда без галош.

без снабженного ватой

глухого пальто

обгонять в туман

молодежь?

... Я вернусь к тебе

верящим —

мне дано —

мне дано это много

на годы впредь...

Я вернусь к тебе любящим

все равно,

даже если вернусь

умереть...

ОСЛИК НА НЕВСКОМ ПРОСПЕКТЕ

Рыжий ослик, родом из цирка,
прямо на Невском, в центре движенья,
тащит фургон. В фургоне дырка:
«Касса». Билеты на все представленья.

Ослик тот до смешного скромн.
Даже к детям он равнодушен.
Город — грохот так огромен!
В центре ослик. Кульками уши.

Скромный ослик...

Немного грустный.

Служит ослик, как я, —

ИСКУССТВУ.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Сначала вымерли бизоны
на островках бизоньей зоны.
Потом подошли бегемоты
от кашля жуткого и рвоты;
козули пали от цынги,
у мух отнялись две ноги
(но мухи сразу не скончались),
дикообразы вдруг легли —
еще колючие вначале —
но вот обмякли, отошли.
Оцепенела вдруг собака,
последним умер вирус рака,
потом скончался человек...
На землю выпал плотный снег;
снег на экваторе искрился,
снег в океане голубел,
но санный след не появился,
и шинный след не проскрипел...
Машины снегом заносило,
чернели трубы — пальцы труб;
земля утрачивала силу,
все превращалось в общий труп;
и только между Марсом, правда,
и между умершей Землей
еще курили астронавты
и подкреплялись пастилой;
сидели молча, как предметы,
с Землей утратившие связь,
и электрического света
на пульте вздрагивала вязь...

ТЕЛЕФОННАЯ БУДКА

Прозрачная будка, стеклянные стены.
Хотите назначить свиданье на вечер,
хотите на друга обрушиться с речью,
хотите с женою ругаться до пены,
до пены у рта, до ломоты хребта — пожалуйста!
О жизни, о смерти, о чем вам угодно,
кричите по проводу, благо — «свободно»,
пока не ударят монеткой в стекло,
пока наше время — не истекло.

ВЕЧНОРАБОЧИЙ

Жадно спал,
пожирая сон,
кровожадно спал,
точно грыз...
Часто вздрагивал,
как вагон,
завывал самолетом вниз.
И не сон в него —
сам он в сон
по-пластунски полз,
танком пер!
...Чтобы встретить утро
в упор, —
даже спящий —
работал он.

Виктор Голявкин

ГВОЗДЬ В СТОЛЕ

Мой отец пил водку, повторяя при этом, что дело не в этом, почувствовав себя бодро, он лихорадочно искал гвоздь, чтобы вбить его основательно в стенку, в стул или в дверь для пользы хозяйства в доме. Он мог с одного удара всадить гвоздь куда угодно. На этот раз он притащил в дом огромный гвоздь и пошатываясь прикидывал, глядя вокруг, где бы его пристроить. Этот гвоздь был в полметра длиной — такого гвоздя я в жизни не видел!

Отец стоял посреди комнаты с молотком в руке и гвоздем в руках, повторяя сквозь зубы, что дело не в этом, в ответ на наши расспросы, куда он собирается его вбить. Он долго стоял так, насупив брови, пока мудрая мысль не пришла ему в голову. Он вдруг просиял, взял гвоздь в руки, попросил со стола снять скатерть и великолепным ударом загнал часть гвоздя в середину стола. Он имел в виду укрепить центральную ножку, которую он прибавил год назад. Он уверял тогда, что стол шатался, хотя никто этого не замечал. Эта пятая ножка в столе была так же нужна, как шестая, но отец укреплял хозяйство, и никто не посмел с ним спорить. Итак, четверть гвоздя вошла в стол моментально, но дальше, как отец ни старался, гвоздь продолжал упорствовать. Сколько отец ни бил по гвоздю, он так же торчал посреди стола, приводя всех в уныние и досаду. Отец разделся, остался в одних трусах, натянул на голову мамин чулок, чтобы волосы не мешали ему работать, и опять принялся колотить по

гвоздю, но тщетно. Отец вытер пот, оглядел меня, мать, бабушку и сказал:

- Я устал.
- Так что же делать? — спросила мама.
- Нужно вбить этот гвоздь, — сказал отец.
- И я так думаю...
- Но дело не в этом.
- Тогда его лучше вытащить.
- Его лучше вытащить, — согласился отец.

Я принес клещи, отец тянул гвоздь клещами, но гвоздь остался в столе. Тогда я стал тащить этот гвоздь, но только больше согнул его.

- Теперь на стол нельзя надеть скатерть, — промолвила мама.
- Мы что-нибудь придумаем, — сказал отец.

Он сидел и думал, а мы смотрели на него и на гвоздь в столе. Наконец отец встал и объявил, чтобы я принес напильник. Я пошел за напильником, но не нашел его и вернулся ни с чем.

- Безобразие, — сказал отец, — в доме нет напильника.

В это время к нам позвонили, я побежал открыть дверь. Пришла семья Дарилов. В дверь с шумом ворвались семь братьев дошкольного возраста. Семь братьев стали носиться по комнате, опрокинули стулья, разбили вазу, сдули с рояля все статуэтки, разбили стекло в уборной, повывирали с корнями цветы из горшков, сбросили абажур с балкона, вывинтили краник от газовой плиты и в два счета вытащили гвоздь, который вбил отец. Когда удалось собрать братьев в кучу, загнать их в угол и успокоить, мать с радостью объявила всем: «Теперь я могу одеть скатерть на стол».

- Но дело не в этом, — сказал отец.

ДВЕРЬ

Ветер свистел по комнате, как в трубе.
Эта дверь не имела петель.
И она не имела дверной ручки.
И она не имела замочной скважины.
И это была не совсем дверь.
И вообще это была совсем не дверь.
Она покоилась на двух стульях, и на ней лежал мертвый отец.

УДАР ЖИВОТАМИ

Восемьдесят пять человек ударились животами друг о друга с такой силой, что тридцать пять человек в тот же миг умерло. Потом пятьдесят человек ударились животами с такой потрясающей силой, что в живых остался только один. Он съел огурец и пошел на край земного шара удариться с кем-нибудь животом.

ПУГОВИЦА (Мой дядя)

Таким и запомнился мне мой дядя, когда он приезжал к нам в гости в те далекие времена, с огромной пуговицей на кальсонах.

Таким запомнил я дядю в детстве, таким остался он на всю жизнь — с огромной пуговицей на кальсонах.

И когда говорят у нас в доме о дяде, когда вспоминают его светлый образ, его заслуги перед государством, то предо мной возникают его кальсоны с огромной пуговицей от пальто.

Отец говорит: «Он был красив», — я вижу пуговицу на кальсонах. Мать вспоминает его улыбку — я вижу пуговицу на кальсонах.

Когда я смотрю на его погрудный портрет, я вижу пуговицу на кальсонах.

ЭЭЭ ... ЭЭХ

Человек умер. В гроб его положили. Хотели спустить гроб в яму, да веревки нигде не нашли. Тогда пихнули гроб в яму ногой. Выскочил мертвец из гроба, сел и сказал простодушно:

— Эээ ... ээх ...

ТРИ АРТИСТА

Один в спектакле сказал два слова: «Господам подано».

Второй шумел весь спектакль в заглавной роли.

Третий в толпе кричал: «Ура».

Первому дали двадцать рублей.

Второму дали около тысячи.

А третьему дали так мало, что он больше «ура» никогда не кричал.

* * *

Михаил Еремин

Так горсть земли искали иудеи:
Топча поля в пыли безоблачной;
Идущие, как бороды, редели
И падали в песок, как обручи.
Чтобы смягчилось сердце Моисеево,
Чтоб каравай земли попробовать,
Маис и просо сеяли

Братья бродячие, бредовые;
 Чтоб, вынянчив давидову свирель
 И землю заселив, как книгу,
 Планету называть своей,
 Хотя ее еще нельзя покинуть.

* *
 *

Боковитые зерна премудрости,
 Изначальную форму пространства,
 Всероссийскую святость и смутность
 И болот журавлиную пряность
 Отыскивать в осенней рукописи,
 Где следы оставила слякоть,
 Где листы, словно листья луковицы,
 Слезы прячут в складках.

* *
 *

Сохатый крест рогов, как идола,
 Возносит сквозь венки терновника,
 Корову не выигрывает, а выпиливает
 Из самых нежных мышц соперника.
 Гудит в юдоли трубный рог
 И ранит бок до соли.
 Вдыхают важеньки пригожие
 Жестокий запах отца и сына.

* *
 *

Полночно светение бухты Барахты;
 В бархатных шкурах тюленей утешные игры;
 В утолении грубых гармоник кисельные берега;
 Вытеснение бедр бедрами из окружности рук;
 Голени вынашивать скованность окуня,
 Истекающего икрой;
 Роскошное тело распахнуто, словно огниво,
 Под секирой острое боговой искры.

* *
 *

Мальчиком заплечных дел времен французской революции
 Корчится горб на спине короля.
 Королевские руки — это выкрик уключины,
 Если гибкое тело весла выгнуто до крови.
 Из ствола королевского дерева, в обрученьи колец древесины,
 Ни доски гробовой, ни пироги
 Для похищенья невесты
 С потустороннего берега.

Сергей Кулле

АННА ВАСИЛЬЕВНА СТУПИНА

(Желая избежать ложной красоты,
 я не назову этот стих: «Дворник»)

Хорошая сильная женщина тетя Ньюша
 скребет снег
 и гонит метлой грязную воду,
 процеживая ее сквозь сито решетки люка.
 Прохожие отходят в сторонку.
 (Не помешать бы работе!)
 А сама Анна Васильевна
 старается делать поменьше брызг.
 Дома ее поджидают
 довольные, сытые дети-школьники.
 Но вскоре
 старший — Геннадий —
 выйдет на улицу:
 — Остальное я кончу, мама, —
 ишь, сколько его навалило!
 А ты —
 иди отдохни
 перед ночным дежурством.

И кончит,
 ловко скребком и лопатой орудуя.

(Нынче пошли хорошие люди).

СТАРИК

Погодка совсем разгулялась.
 Мы шли через мост
 и смеялись.

А впереди,
как будто ковыряя клюкою в асфальте,
тащился какой-то скромный странник
согбенный.

И я сказал своей спутнице:
— Какой прекурьюзный старик!

Потом мы подошли к гвоздю на мостовой
(он валялся кривой и ржавый),
и я снова остроумно заметил:
— Здорово,
если напорется машина!

И в этот самый момент,
как бы по мановению волшебной палочки,
старикашка,
шедший впереди, в отдалении,
вернулся,
сошел с тротуара на мостовую,
взял гвоздь грязными пальцами
и кинул его сразмаху в реку.

А когда мы догнали путника
(пряча ехидные улыбки),
он поворотился и спросил
конфузливо:
— А где тут будет керосинная лавочка?

ЕЛКА

Под Рождество,
когда я болел,
мне принесли елку
и установили ее в углу.
Я спросил ее:
— Ну как, ничего?
А она у меня:
— Почему ты лежишь?
— Не знаю. Вот ноги распухли.
— Чего ж они пухнут?
— Не знаю.
— Не знаю... Не знаю, —
передразнила мохнатая.
— Надо есть фрукты,
пить хвойный отвар,
и чтобы почаще выводили на улицу!

Елка всё знала.
Видно, прошла
огонь и воду, и медные трубы.
Видно,
не однажды болела,
не однажды
превозмогала себя
и вылечивалась
хвоей.

ЛУЧШИЙ НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК

(Жаловался. Стонал. Плакал.)
Привезли. Поместили в палату.
Укутали байковым одеялом.
Дали халат.
Дали туфли.
Поставили утку.
Дали даже наушник под подушку.
Лежи и слушай.
А через полчаса,
когда часы пробили: «Двенадцать»,
и люди повсюду вскричали:
— С Новым годом, друзья! С новым счастьем! —
вошел Дед Мороз в белом халате
и сказал:
— Добро. Поехали. Буду вам делать
новогоднюю операцию!

* * *

Директор зоопарка
потерял ключи от своих зверюшек.
Звери — в волнении, люди — в тревоге.
У ворот большая толпа.
Касса — закрыта дощечкой.
Служащих руки дрожат:
они набирают телефон отдела культуры
и пожарной команды.
А тут еще слон взбунтовался некстати.
Вместо надписи: «Зоосад»
надпись висит: «Зооад».

Александр Кушнер

НА ТЕЛЕГРАФЕ

На телеграфе грустен юмор.
Удобен способ телеграмм,
Но слово «жив» и слово «умер»
Равны по стоимости там.

На телеграфе учат стилю.
Ни лишних слов, ни запятой.
О, сколько раз мы подходили
К перегородке золотой!

И кто последний? я за вами.
И маялись невдалеке
С пятью тяжелыми словами
На вытянутой руке.

Глядит на мир телеграфистка,
Строга со всеми и ровна.
Когда к ней боль подходит близко,
То как справляется она?

• •
•

Выручает звездный тамбур.
Век стоял и ехал там бы.
Тук-тук-тук да так-так-так,
Ты не плачь, не надо так.
А в вагоне-ресторане
На столах стоят пионы,
А в вагоне-ресторане
Ездят грустные шпионы
(англичане или финны,
подрывающие мир).
А в меню одни дельфины
На себе везут пломбир.
В тот пломбир подсыпать яда —
И грустить уже не надо,
Ни по рельсам колесить,
Ни чужой костюм носить.
На руке — узор колючий,
Виноградная лоза.
— Вы случайно не лазутчик?
Только выкатит глаза.
Поезда даны как средство,

Чтобы к нам вернулось детство.
И сосед не виноват,
Что немного мешковат.

В ЗАЩИТУ СЕНТИМЕНТАЛИЗМА

Где кончаются ромашки,
Начинаются замашки.
Я признаюсь по секрету,
Мне не нравится бензин.
Дальновидней всех поэтов
Был историк Карамзин.
Он открыл среди полянок
Много милых поселюнок,
Он заметил средь полян
Много милых поселян.
Что они любить умеют, —
Обнаружил тоже он.
Пастушки, когда стемнеет,
Ходят к милым на поклон.
Так проходят дни недели...
Что ж имеем в самом деле?
Люди лижут валидол,
На язык кладут лекарства,
А полезней вол и дол,
Деревенское лукавство.
Там и ста не встретишь лиц,
Под окном не чинят кабель.
Пребыванье вне столиц
Здоровей кремлевских капель.

ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬНЫЙ ПАРК

В начале пригородной ветки
Обрыв платформы под овраг,
И там на проволочной сетке
— Воздухоплавательный парк —
Название плавно и крылато.
Как ветрено и пусто тут!
Поселок окнами к закату,
И одуванчики растут.
Вдали от музык и парадов

На петроградском рубеже
 Паренье первых аппаратов! —
 Ты не вернешься к нам уже.
 И, принеся одни убытки,
 Под торжество болотных жаб,
 Расползся до последней нитки
 Темнозеленый дирижабль.
 И тех людей забыты лица,
 Снесен амбар тот и барак.
 Но пусть нам все-таки приснится
 Воздухоплавательный парк!
 Чтоб нам летать в нем — удивляться:
 Деревьев нет и листьев нет.
 Горит сверху иллюминация
 Организованных планет,
 И самолеты-вертолеты
 Гнездятся в верхних облаках.
 И где-то первые пилоты
 Лежат пропеллер в головах.
 И электричка рядом бродит,
 Огнями вытравляя мрак.
 И в белом платье тень приходит
 В Воздухоплавательный парк...

• • •

Когда я очень затоскую,
 Достану книжку записную,
 И вот не крикнуть, не вздохнуть, —
 Я позвоню кому-нибудь.
 О, голоса моих знакомых!
 Спасибо вам, спасибо вам
 За то, что вы бывали дома
 По непробудным вечерам,
 За то, что в трудном переплете
 Любви и горя своего
 Вы забывали, как живете,
 Вы говорили: ничего.
 И за обычными словами
 Была такая доброта,
 Как будто Бог стоял за вами
 И вам подсказывал тогда.

Евгений Рейн

СОСЕД КОТОВ

В коммунальной квартире жил сосед Котов —
 Расторопный мужчина без пальца.
 Эту комнату слева он судил у кого-то:
 Он судился, тот умер, а Котов остался.

Каждый вечер на кухне он публично мыл ноги
 И толковал сообщения из московской газеты «Известия»,
 И те, кто варили на кухне и мылись, многие
 Задавали вопросы — все Котову было известно.

Редко он напивался, всегда в одиночку и лазил.
 Было слышно и страшно: куда-то он лазил ночами.
 Доставал непонятные и одинокие вазы,
 Песни пел и топтал черепки с голубыми мечами.

Он сидел на балконе и вниз улыбаясь ругался,
 Курил и сбрасывал пепел на головы проходящих.
 Писем не получал, телеграмм и квитанций пугался
 И отдельно прибил «А. М. Котов» почтовый ящик.

Летом я переехал. Меня остановят и скажут:
 — Слушай, Котова помнишь? Так вот: он убийца,
 Или платный агент, или вор. Я поверю. Мной нажит
 Темный след неприязни. За Котова нечем вступить.

Если жил человек — рядом голос эпохи огромный,
 И простые приметы, скажем, ветер, деревья и птицы.
 Равнодушие и мелочь показывал, праздновал, помнил.
 Что он прятал? И как за него заступиться!

АВИАПОЧТА

Был мох олений по колено
 На полуострове Камчатка,
 Где тундры падали наклонно
 И тундры не могли кончаться,
 А было их еще на месяц,
 Переглядеть неоднократно
 Коллектор, я и кони, вместе
 Ходили, рисовали карту.
 Был мох олений по колено,
 Олени ели мох олений.
 Они любили голубику,
 Но кушали что находили.

Мы сели, сняли олимпайки,
Мы тоже ягод захотели.
Пренебрегая пустяками,
Мы ели мясо с пастухами.
О, пища эта не сухая
Лежала между сапогами,
Мы ели и не услышали
Едва пропеллерного гама.
Над мисками и над костями
Биплан качался плоскостями.
Стоял хоть выше он, но рядом,
Он тенью был на лицах твердых,
Он начал улетать обратно
И выбросил свободный сверток.
Там были главные газеты,
На рог и мех большая смета,
И месячные «Крокодилы»,
Где крыли чемпионы смеха,
Не юмористы бракоделы,
Совсем смешные «Крокодилы»,
Ведь их везли и вниз бросали,
Где чепухи не городили,
А шутки были образцами.
И так как мы поели мяса,
И многое нам стало ясно,
То пренебрегая пустяками,
Мы все смеялись с пастухами.

ЯПОНСКОЕ МОРЕ

Пиво, которое пили в Японском море,
Слабое пиво, о слабые воспоминанья,
Разные случаи, которые происходили —
Драки и выверты, разве мы их понимали?
Лезет Японское море, побеленное пеной,
Вольтовым светом побелят и пену и локти.
Тычется в море один островочек военный,
Где опускают под воду подводные лодки.
Радиомузыка ходит по палубам,
Палубам музыку эту танцуют и плачут и любят.
Водку сличают с другими напитками слабыми,
После мешают и пьют, надо пить за разлуку.
О, не забудь эти танго и эти обеды;
Смерти в газетах и книгах, написанных скоро,
О, не забудь ни единой нарочной обиды,
Всякие смерти и дивная смерть Луговского.
Люди плывут как и жили, гляди — всё понятно,
Век разбегается, радио шепчет угрюмо.

Эти некрологи, песенки и оппоненты.
О, иностранное слово среди парового шума.

М. Красильникову

* *

*

За четыре года умирают люди,
Умирают кони, выживают люди, ставятся законы.
За четыре года пишутся романы,
Иногда романы пишут за неделю,
За четыре года переменяют рамы,
Передвинут печи, перебьют посуду.
А по сути что же? За четыре года
В современных играх
На моих рубашках до конца не выгорит
Клетки знак оранжевый.
Что-нибудь останется, совсем как раньше.
Будемте опрятны, сохраним рубахи,
Сохраним рубахи, сократим расходы.
Приезжай обратно за четыре года.

ФАУСТ

У Евпатории «Россия»,
К парому повернувши бок,
С паромы этого грузила
Мотоциклы и собак.
Все было поздно, очень поздно,
Их в тросы страшно оплетать;
Я знал уже, что нам опасно
Их вместе сверху наблюдать.
Я ж не плыву, но постоянно
Я забываю про антракт.
Над черной и лимонной пеной
Стрелявшие прожектора.
Как долго плащ из коленкора
Своих галивок не сотрет,
Как долго новые линкоры
В строю передают фокстрот.
И эта женщина, что близко,
Какой понятливый мой друг,
С которым мы возьмемся быстро
Приплыть в Одессу поутру.
Зачем тебе такая спешка,
Отстань, развейся, походи,
Давай мы вместе будем мешкать,
Но как мы мешкать не хотим.
Но, Боже, почему так долго
Она, а флот или плащи —

Бабочка по комнате летает,
 летает,
Сердце мое все-таки растает,
 растает.

От высоких трав остались сухонькие палочки,
До тебя мне дела мало — как до этой бабочки.
Бабочка по комнате летала,

летала,
От тебя я, маленький, устала,
устала,

К папе в комнату приносят телеграммы строгие,
С моря серого приходят выдохи глубокие.

Бабочка под лампочкой завяла,
завяла,
Вместе с этой бабочкой женщина чужая
Все металась в комнате, папу поджидая.

Бабочка последняя погибла,
погибла,
Усиками тоненькими поникла, поникла,
И уйду я, маленький, громко ли, тихо ли,
Чтоб часы по-мирному над тобой тикали,

Чтобы снились зайцы, медведи,
медведи,

Нынче твоя мама приедет,
приедет,

А у ней такое право, чтоб владеть обоими.
Спи спокойно носом к стенке с теплыми обоями...

ЛАХТИНСКАЯ

Голубями сытыми испачканная,
Сизыми воскрыльями охлопанная,
Ты живешь спокойно и нехлопотно,
Лучше улиц Шамшевой и Гатчинской,
Лахтинская улица взлохмаченная,
Улица, застроенная начерно,
Встрепанная, ласковая Лахтинская,
Почему-то очень бесхарактерная.
А трава по-деревенски бурная,
Меж камней топорщится, упругая,
А по ней у института Турнера
Ходят дети, костылями стукая.
Лахтинская выпрямила плечи их,
Бледных, искалеченных, залеченных,
Но беспечных — солнцем обеспеченных.
Ах ты,

приведешь ли в Лахту,
Лахтинская,

Там у Лахты

яхты,
в море яхты стоят.
Кем тебе уюта столько выдано,
Лахтинская, дождичком омытая,
Встрепанная, ласковая Лахтинская,
Иногда совсем не бесхарактерная.

РАЯ ВДОВИНА

Вновь зажата тоненькая кисть
В этих пальцах грубых и каленых.
Вдовина прикладывает лист
Ватмана, и начат подмалевок.

Натюрморт обычен, даже скуп:
Брюква, полотенце, сковородка,
Райкиных серьезных сжатых губ
Будто вовсе не касалась водка,

Будто и не курит уж она,
И не знает непотребной брани.
Будто парни, милые спьяна,
На кушетке той ее не брали,

Будто век сурепка и укроп
Пряным духом Райку обледали,
Будто век неслась она в галоп
На конях со струнными ногами,

Будто не по пьянке на листок,
Но своим твореньям зная цену,
Всем лицом она валилась в стог
И стихи выпщепывала сему,

Будто этих чистых два окна
Вечным оком милого ласкали,
Жили краски в порах полотна
И стихи пружинили в накале,

Будто нынче всё наоборот,
Будто лес над нею закачался,
Вдовина кончает натюрморт,
Хоть бы никогда он не кончался!

Владимир Уфлянд

* * *

Хотя в кино нередко плачут дети,
а остальные, видя, что темно,
друг к другу жмутся,
кашляют и метят
уснуть,
я всё ж люблю кино
(пускай сопят соседи, словно кролики,
или ворчат: «Кассирша удружила!»),
особенно те кадры кинохроники,
где снят товарищ Ворошилов.
Седой,
в дипломатическом костюме,
усы
(в больших и черных мало проку).
Я думаю —
пусть он на время умер —
в Союзе станет очень плохо.
Кто стал вручать бы ордена,
старушкам руки целовать при этом?
Насколько хорошо б свои дела
решал Президиум Верховного Совета?
Его большая нужность в этой роли
не сразу уместается в мозгу.

Мне, посмотрев такую кинохронику,
обычно хочется в Москву.

* * *

Набрав воды для умывания
в колодце, сторбленном от ветхости,
рабочий обратил внимание
на странный цвет ее поверхности.
— Вот дьявол! Отработал смену,
устал,
мечтаешь: скоро отдых!
а здесь
луна,
свалившись с неба,
опять попала в нашу воду.
Теперь попробуй ею вымыться.

Чтоб растворился запах пота.
Чтоб стал с известной долей вымысла
Тот факт, что смену отработал.

Свою жену он будит,
Марью,
хоть и ночное время суток.
Фильтрует воду через марлю,
но ведь луна — не слой мазута.
И от воды неотделима.
Рабочий воду выливает
в соседские кусты малины.
Кисет с махоркой вынимает.
И думает:
— Вот будет крику,
коль обнаружится внезапно,
что лунный у малины привкус,
что лунный у малины запах!

* * *

Дали свет синевато-зеленый.
Взрыв какой-то раздался.
И звон.
это значило:
иллюзионный
начинается
аттракцион.

Разбегались с арены клоуны.
Исчезали униформисты.
Бормоча:
— Надо быть безголовым,
чтоб дожидаться иллюзиониста.
Этот парень в цилиндре блестящем,
окруженный всегда ассистентками,
непременно посадит в ящик,
в тесный ящик с фанерными стенками.
Чтобы втиснулся,
сложит втрое.
Потеряешь сознание от ужаса.
Будь уверен:
ящик откроют,
но тебя в нем не обнаружится.
Или выйдешь
(лицо — землистое),

сверхъестественно жаждая пива.

Таковы иллюзионисты.
В том числе
знаменитый Кио.

СМЕРТЬ ЛЮБИМОЙ

Любимая скончалась незаметно.
Лежала горестная, тихая.
Болела.

Ах! лучше б умерла Елизавета —
бельгийская старушка-королева.

Бабуся мне не сделала худого,
но также и не сделала добра.
Мне с нею было б даже неудобно
под ручку выйти со двора.
Тем более на танцы, на каток.
Морщинистая, седенькая, хроменькая.
Ее бы сразу свел с ума поток
прохожих у кинотеатра «Хроника».
А в королевской форменной скуфейке,
в фамильных старомодных украшениях
от пирожка за сорок три копейки
старушка б отказалась с отвращением.

Возможно также, что она неграмотна.
И на ногах не туфельки, а пимы.

Ах! Всё-таки какая это драма:
нечаянная смерть любимой!

ПОСЛЕ СИМФОНИЧЕСКОГО КОНЦЕРТА

Я вылеплен не из такого теста,
чтоб понимать мелодию без текста.

Почем узнаю без канвы словесной я:
враждебная она
или советская?

А песню
я люблю:

текст и мелодию.
Она ведь элемент понятия «Родина».
Как дом, дорога, солнца жар.
И в музыке она главнейший жанр.

Знай я хотя бы две хороших песни,
певцом бы сделался уже сегодня я.
Но это неосуществимо,
если
стараятся писать одни симфонии.

* * *

Просто стало теплее от тополя,
вспыхнувшего от спички.
Просто кто-то выпросил, чтобы стало теплее...
И тлело топливо.
А зачем растоптали тело
перед фиолетовым летом?
А зачем, оплывающей горечью,
вечер чахл и ветер горяч?
«Сыпьте деревья и спите».
И кончается ночь,
и кончается день,
и кончается жизнь по ночам.

Так легко им идти по улице —
пусть в лицо кинет капли весло.
Заколдованной песня попала в строку,
в вариант непридуманных слов.

Я скажу вам:
уют нависает углом
над дорогой, ломающей свод.
Я скажу вам, что кто-то опять споет
свою песню.
Из страсти прочитанной
пусть останется белая гавань.
И строка не умрет несосчитанными
и упавшими в ритме словами.

Может, вы и теперь не поверите.
Шире рты, попугаи и окуни!
Всё.

Я кончил. —
Ломайте двери!
Бейте пыльные стекла окон.

Редактор-составитель А. И. ГИНСБУРГ